

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (член-корреспондент РАН, главный редактор "Вопросов философии").

Все мы повторяем фразу о том, что Россия находится в "переходном периоде". Вот только понимание того, куда же мы "переходим" бывает самым различным. Реформаторы нашей экономики обычно говорят о переходе к рынку, а идеальным состоянием нашей экономики, к которому следовало бы стремиться (хотя признается, что достичь этого очень трудно), считают то, которое существует в развитых странах Запада. Но дело в том, что сам Запад, в том числе его экономические и социальные отношения, стремительно меняются. И то, что некоторым представляется идеальным, может оказаться достоинством прошлого. А это существенно влияет на всю мировую ситуацию, на взаимоотношения развитых и неразвитых (или, как предпочитают говорить, "развивающихся") стран, создает не только новые возможности, но и новые сложные проблемы. О том, что развитые страны вступают в фазу постиндустриального развития, у нас иногда пишут. Но сегодня ряд теоретиков (у нас это прежде всего В.Л. Иноземцев) говорят о возникновении постэкономического общества, в котором многие отношения классического капитализма (включая частную собственность, товарное производство, мотивацию деятельности и др.) существенно трансформируются. Эти вопросы нужно обсуждать, ибо речь идет не просто о том, что делается там "у них", а о том, каково место России в этом новом, непривычном и сложном для нас мире, и о том, куда же мы можем и должны "переходить". Этим вопросам посвящен наш "круглый стол".

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ (доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества).

Я остановлюсь на некоторых основных элементах концепции, которую я называю концепцией "постэкономического" общества. Это позволит нам рассмотреть некоторые выводы, вытекающие из ее применения к современным социальным, политическим и хозяйственным процессам.

Постэкономическое общество противопоставляется мною двум более ранним типам социума - доэкономическому и экономическому. Центральное место в этой триаде занимает экономический строй, предшествующий ему, и следующие за ним социальные типы определяются скорее как не обладающие отдельными признаками экономической эпохи, чем как основанные на четко выявленных закономерностях. В этом отношении можно сослаться с тем, что определение постэкономического общества служит примером "негативного определения", однако в современных условиях, на наш взгляд, позитивное определение не сформировавшегося еще социального организма чревато возможностью серьезных ошибок, наделяния излишним значением факторов, в действительности не обладающих таковым.

Говоря о постэкономическом обществе, необходимо недвусмысленно определить границы того явления, которое рассматривается как "экономика". Многочисленные беседы с американскими социологами, в том числе и такими известными футурологами, как Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма и Л. Туроу, лишь раз убедили меня в том, что термин "постэкономический" вряд ли получит

Трансформации в
современной цивилизации:
постиндустриальное и
постэкономическое
общество
(материалы "круглого
стола")

// Вопросы философии, 2000, №1

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (член-
корреспондент РАН, главный
редактор "Вопросов философии").

Все мы повторяем фразу о том, что Россия находится в "переходном периоде". Вот только понимание того, куда же мы "переходим" бывает самым различным. Реформаторы нашей экономики обычно говорят о переходе к рынку, а идеальным состоянием нашей экономики, к которому следовало бы стремиться (хотя признается, что достичь этого очень трудно), считают то, которое существует в развитых странах Запада. Но дело в том, что сам Запад, в том числе его экономические и социальные отношения, стремительно меняются. И то, что некоторым представляется

идеальным, может оказаться достоянием прошлого. А это существенно влияет на всю мировую ситуацию, на взаимоотношения развитых и неразвитых (или, как предпочитают говорить, "развивающихся") стран, создает не только новые возможности, но и новые сложные проблемы. О том, что развитые страны вступают в фазу постиндустриального развития, у нас иногда пишут. Но сегодня ряд теоретиков (у нас это прежде всего В.Л. Иноземцев) говорят о возникновении постэкономического общества, в котором многие отношения классического

капитализма (включая частную
собственность, товарное
производство, мотивацию
деятельности и др.) существенно
трансформируются. Эти вопросы
нужно обсуждать, ибо речь идет не
просто о том, что делается там "у
них", а о том, каково место России в
этом новом, непривычном и
сложном для нас мире, и о том, куда
же мы можем и должны
"переходить". Этим вопросам
посвящен наш "круглый стол".

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ (доктор
экономических наук, директор

Центра исследований
постиндустриального общества).

Я останавлиюсь на некоторых
основных элементах концепции,
которую я называю концепцией
"постэкономического" общества. Это
позволит нам рассмотреть некоторые
выводы, вытекающие из ее
применения к современным
социальным, политическим и
хозяйственным процессам.

Постэкономическое общество
противопоставляется мною двум
более ранним типам социума -

доэкономическому и экономическому. Центральное место в этой триаде занимает экономический строй, предшествующий ему, и следующие за ним социальные типы определяются скорее как не обладающие отдельными признаками экономической эпохи, чем как основанные на четко выявленных закономерностях. В этом отношении можно согласиться с тем, что определение постэкономического общества служит примером "негативного определения", однако в современных условиях, на наш взгляд, позитивное

определение не сформировавшегося еще социального организма чревато возможностью серьезных ошибок, наделения излишним значением факторов, в действительности не обладающих таковым.

Говоря о постэкономическом обществе, необходимо недвусмысленно определить границы того явления, которое рассматривается как "экономика". Многочисленные беседы с американскими социологами, в том числе и такими известными футурологами, как Д. Белл, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма и Л. Туроу,

лишний раз убедили меня в том, что термин "постэкономический" вряд ли получит широкое распространение в англоязычной среде, где не проводится, в отличие от русского или немецкого языков, разделения понятий "хозяйство" и "экономика" (Wirtschaft и Oekonomie). Термин "economy" в английском языке охватывает столь широкий круг явлений, что сама гипотеза о возможности выхода за пределы экономики становится в той же мере нереалистичной, какой казалась бы российскому исследователю идея о преодолении хозяйства, а немецкому - об

устранении Wirtschaft. Поэтому, говоря об экономическом обществе, мы рассматриваем социальную систему, в которой основополагающее значение имеют *материальные* интересы человека, безусловно доминирующие в его системе ценностей; в которой важнейшим видом деятельности является *труд* (labour) как "любое умственное или физическое усилие, целиком или частично направленное на получение каких-либо иных благ, кроме удовольствия от самого процесса работы (work)" [Marshall A. Principles of Economics Vol. 1 L., 1961. P. 65]; в которой имеет место

эксплуатация человека человеком, возникающая всюду, где от производителя отчуждается продукт его деятельности, если сам этот продукт является ее целью, а не побочным результатом; в которой, наконец, распространен *возмездный обмен* продуктами и деятельностью, неизбежный в условиях разделенности независимых друг от друга производителей.

В отличие от К. Маркса, который первым применил в своих работах понятие экономической эпохи, мы полагаем, что важнейшим условием ее преодоления является не

устранение эксплуатации или уничтожение товарного обмена, заменяемого плановым хозяйством, а осуществление необратимых изменений в характере человеческой деятельности, обуславливающих ее трансформацию из *трудовой* в *творческую*. Важнейшая отличительная черта творчества состоит в его самодостаточности, отражающей то доминирование стимулов, порожденных стремлением к развитию личности, над материальными мотивами, которое проявляется, когда достигнут определенный уровень удовлетворенности основных

жизненных потребностей человека. Как основная характеристика постэкономической эпохи, творчество противостоит труду и предтрудовой инстинктивной деятельности, характеризующим экономическую и доэкономическую эпохи.

Данный подход позволяет взглянуть на современную эпоху с точки зрения, существенно отличающейся от общепринятой, и предложить неортодоксальную трактовку той социальной трансформации, которая развернется в ближайшие десятилетия в мировом масштабе.

Прежде всего следует отметить, что важнейшим отличием нового общества от всех предшествующих станут место и роль в нем активной личности. В рамках постэкономического социального порядка действия людей уже не будут задаваться прежними материальными мотивами, и человечество впервые обретет внутреннюю свободу, к которой оно всегда стремилось. При этом тот "выход за пределы собственно материального производства", о котором говорил К. Маркс, окажется связанным не столько с

преодолением участия человека в процессе производства, сколько с трансформацией субъективного отношения к этому процессу как к противоречащему стремлениям личности, и, напротив, становлением отношения к нему как к деятельности, развивающей творческий потенциал человека. Эта трансформация в значительной мере уже происходит в обществах, где в хозяйственной структуре доминируют отрасли, производящие информацию и знания. Преодоление эксплуатации, о котором всегда мечтали коммунисты, также станет реальностью, но воплотится не в

равномерном распределении благ, а в таком изменении мотивационной структуры деятельности, при которой отчуждение у человека материальных результатов его творчества окажется не противоречащим его основной цели - совершенствованию самого себя, приобретению и развитию новых качеств личности, по определению неотчуждаемых. В этом отношении постэкономическое общество объективно является тем "царством свободы", о котором говорили великие гуманисты всех времен и народов.

Однако это "царство свободы" не является и не может быть "царством равенства". К сожалению, история показывает слабую совместимость первого и второго лозунгов, начертанных на знаменах Французской революции.

В рамках развитых обществ Запада нарастает в настоящее время новое социальное противоречие, гораздо более опасное, нежели известные ранее. С одной стороны, часть граждан, добившихся высокого уровня благосостояния, получивших хорошее образование, нашедших свое

место в наиболее высокотехнологических секторах материального производства и сферы услуг, все более сосредоточивается на целях собственного внутреннего духовного и интеллектуального роста. Р. Ингельгарт и его последователи называют носителей подобной ценностной ориентации постматериалистами. С другой стороны, им противостоит часть населения, сосредоточенного на удовлетворении своих материальных потребностей в жестких конкурентных условиях, не рассматривающего образование и собственное саморазвитие как

высшую ценность и занятого главным образом в отраслях массового производства, не требующих творческих способностей. Следует обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, обе эти группы оказываются все более изолированными друг от друга. Важнейшим фактором социальной стратификации становится сегодня образование; информационный продукт недостаточно купить, его необходимо уметь использовать, а это умение не приобретается за деньги, как ранее приобретались любые права собственности.

Западные исследователи уже несколько десятилетий назад пришли к пониманию того, что постматериалистические ценности закладываются с детства и формируются в ходе интергенерационного диалога; именно поэтому взаимный обмен между представителями двух новых классов постэкономического общества - класса носителей знаний (knowledge-class) и работниками, в конечном счете занятыми в производстве потребительских благ (consumption workers), будет становиться все менее интенсивным. Во-вторых, в условиях, когда

информация и знания оказываются
основным ресурсом современного
производства, уникальные
способности
высококвалифицированных
специалистов делают
предпринимателей более
зависимыми от них, нежели наемные
работники были зависимы от
представителей традиционно
капиталистического класса.
Представители класса носителей
знания, сколь бы
постматериалистически они ни были
мотивированы, будут с каждым
новым десятилетием
перераспределять в свою пользу все

большую часть общественного богатства. Напротив, граждане, занятые в массовых производствах и не обладающие исключительными талантами, столкнутся с необходимостью еще более жесткой конкуренции за рабочие места и достойную заработную плату. Таким образом, представители высшего класса будут получать все большие доходы, тогда как малообеспеченные граждане, пытающиеся улучшить свое материальное благосостояние, будут сталкиваться со все более трудными препятствиями на этом пути. Вся современная статистика доходов подтверждает этот факт: с

середины 70-х годов, когда на Западе были заложены основы постиндустриального порядка, реальная заработная плата рабочих средней квалификации фактически не увеличивается, тогда как доходы высококвалифицированных работников, индивидуально занятых программистов, дизайнеров, ученых, не говоря уже о менеджерах и управляющих, постоянно растут.

В мире в целом это противоречие еще более очевидно, и основой его оказывается, как и в первом случае, экспансия информационной экономики в развитых странах. Став

фактическими монополистами в производстве высоких технологий (в начале 90-х члены "клуба семи" обладали 80,4 процента мировой компьютерной техники и обеспечивали 90,5 процента высокотехнологичного производства), западные державы создали невиданный по эффективности инструмент перераспределения в свою пользу мирового валового продукта. Сегодня разрыв в среднедушевом ВВП между гражданами постиндустриального мира и остальной частью человечества достиг 15,4 тыс. долл., увеличившись с 1960 г. почти втрое.

В результате наиболее состоятельная
пятая часть человечества
присваивает в 61 раз больше
богатств, нежели низшая одна пятая;
следует учитывать, что
соответствующий показатель для
1960 г. составлял всего 30 раз. При
этом развитый мир, как и высший
класс составляющих его стран,
становится все более замкнутым:
если в 60-е и 70-е годы более
половины инвестиций ведущих
западных держав поступало вовне
постиндустриального мира, то
сегодня более 60 процентов всех
американских капиталовложений за
границей направляются в Европу, а

на долю Японии и новых
индустриальных стран Азии
приходится не более 8, Мексики же -
менее 3 процентов их общего объема;
в свою очередь корпорации семи
наиболее развитых стран -
Великобритании, Японии, Канады,
Франции, Германии, Швейцарии и
Нидерландов - обеспечивают
суммарно более 85 процентов всех
инвестиций в американскую
экономику. Характерно, что в той же
мере, в какой распространение
высокотехнологичного производства
в самих западных странах
обесценивает труд работников,
занятых в массовом производстве,

экспансия постиндустриального мира на международной арене снижает влияние стран, производящих сырье или массовые промышленные товары, что вызывает ускоряющуюся поляризацию современного мира. В середине 1998 г. общий товарный индекс сырьевых и продовольственных товаров, рассчитываемый журналом *The Economist*, был на 16,2 процента ниже, чем в 1990 г.; за последний год он снизился еще на 18,5 процента, а по некоторым позициям (в частности, непродовольственным сельскохозяйственным товарам) - на 25 процентов, что довело суммарное

снижение индекса с 1990 г. почти до 30 процентов [рассчитано по: The Economist. 1997. July 5. P. 104; 1998. May 16. P. 128; 1999. February 20. P. 118]. Возрастающая конкуренция среди развивающихся стран порождает рост производства, вызывающий новый виток снижения цен.

Таким образом, постэкономическая эпоха, субъектами которой сегодня реально являются лишь определенные категории нематериалистически мотивированных граждан развитых стран, формируется не как период

всеобщего мира и благоденствия, а как наиболее насыщенный противоречиями этап социального прогресса. В этой связи особую актуальность обретает вопрос о том, могут ли такие противоречия получить свое разрешение на путях естественного эволюционного развития. По сути дела, эта проблема чрезвычайно тесно связана с определением перспектив, открывающихся (или закрывающихся) ныне перед Россией и другими странами, принявшими на вооружение концепцию так называемого "догоняющего" развития.

К сожалению, необходимо признать, что возможность занятия Россией достойного места в рядах постиндустриальных держав кажется нам иллюзорной. Весьма показательным в этом отношении стал так называемый "азиатский" финансовый кризис 1997-1998 г., поставивший Российскую Федерацию на грань дефолта по большинству ее финансовых обязательств. Многие западные авторы, в том числе, например, и столь заметный финансист и ученый, как Дж. Сорос, совершенно ошибочно, на наш взгляд, рассматривают случившееся как

чисто финансовый кризис,
порожденный дестабилизацией
международной кредитной и
денежной систем. На наш взгляд,
кризис 1997-1998 гг. носил ярко
выраженный структурный характер и
в этом отношении был схож с
кризисом 1973-1975 гг., но явился
как бы его зеркальным отражением.
Он показал, что страны,
ориентированные на экстенсивное
развитие, могут построить
эффективно действующую
индустриальную систему только при
условии постоянного
"впрыскивания" инвестиций извне и
искусственно поддерживаемого

спроса на свою продукцию. Известно, что ни в одной стране Юго-Восточной Азии на протяжении периода 1981-1997 гг. темпы прироста ВВП не превосходили темпов прироста иностранных инвестиций, а норма накопления в ВВП составляла немыслимую величину, находясь в пределах между 30 и 40 процентами. При этом от 40 до 70 процентов роста промышленного производства в этих странах были обусловлены гигантским спросом, предъявлявшимся на их товары на внешних рынках, в первую очередь в Европе и США. Наконец,

подавляющее большинство технологий и комплектующих импортировалось из развитых постиндустриальных стран. Сокращение инвестиций и их переориентация на рынки великих держав, обнаруживших высокие темпы роста экономики (до 6,1 процента в годовом исчислении, достигнутых США в первом квартале 1999 г.) вызвали крах всего азиатского "чуда", некомплексного и несамодостаточного. Интересен и тот факт, что эти страны, как ни парадоксально, фактически повторили путь СССР, который в 50-80-е годы (конечно, на более

примитивном уровне)
демонстрировал многие особенности подобной стратегии: было налицо радикальное сдерживание текущего потребления ради высокой нормы накопления, существовало уродливое стимулирование спроса в виде госзаказов на оборонную технику и продукцию тяжелой промышленности и, наконец, происходил активный обмен сырья и энергоресурсов на технологии и товары народного потребления. Крах политической системы, обеспечивавшей такое сверхнакопление, привел к немедленному разрушению всей

системы, это же последовало и за сокращением внешних инвестиций в страны Азии.

Постэкономическое общество, в отличие от общества экономического, нельзя построить мобилизационными методами. Хозяйственный прогресс времен индустриализма мог быть достигнут и неоднократно достигался посредством сосредоточения значительных ресурсов на том или ином направлении, что приносило свои плоды. Однако не следует забывать, что важнейшими ресурсами экономического общества

оставались воспроизводимые материальные блага и рабочая сила средней квалификации. Сегодня основными производственными ресурсами становятся информация и знания, производимые людьми, не считающими материальные цели основными в своей жизни; эти ресурсы уникальны, не воспроизводимы и в массовом масштабе не могут быть порождены как результат экономического принуждения. Даже будучи приобретены, они могут использоваться только теми, кто способен их адекватно воспринять и применить в своей практической

деятельности, чуждой схем и шаблонов. Именно поэтому все примеры "догоняющего" развития, наиболее значимыми из которых в XX в. представляются индустриализация СССР в 30-е годы, промышленный рост, обеспеченный в нацистской Германии в 30-е и первой половине 40-х, и впечатляющий прорыв Японии на рынки массовых индустриальных благ в 60-80-е годы, имели место в рамках экономических, а не постэкономических, индустриальных, а не постиндустриальных обществ и достигались методами более или

менее жесткого принуждения, зачастую даже не экономического, а политического. Напротив, ни одно из обществ, развившихся в когорте наиболее развитых постиндустриальных держав, не переживало на протяжении последних ста пятидесяти лет этапа принудительного хозяйственного "прорыва" (за исключением естественных для воюющих наций периодов всемерного напряжения сил ради отражения внешней агрессии).

Современный мир исполнен материального неравенства как

никогда прежде. Оно порождено не политическими или экономическими факторами, по природе своей несправедливыми и преодолимыми, а интеллектуальными достижениями людей, каковые всегда были и сегодня остаются высшей формой проявления человеческих сил и способностей. Между тем важнейшей проблемой нашего времени становится формирование относительно стабильного мирового порядка, способного сдерживать деструктивное влияние выявившихся в последние годы тенденций. На наш взгляд, единственным возможным

инструментом такого формирования служит максимально широкое сотрудничество всех стран, направленное на усвоение тех постэкономических порядков, которые существуют сегодня в западных странах, так как не идеологические и культурные парадигмы, а высокий и все повышающийся уровень материального благосостояния способен стать основой широкого распространения нематериалистических ценностей, свойственных постэкономическому обществу. В этих условиях попытки обосновать уникальную роль России

в современном мире лишены каких бы то ни было оснований. При этом радателям сохранения специфически российского менталитета следовало бы иметь в виду, что ни одна из постиндустриальных стран, идущих по весьма сходным путям, не лишилась собственной культурной идентичности, а их сторонникам, придерживающимся коммунистических воззрений, необходимо помнить слова К. Маркса, прозорливо отмечавшего еще сто пятьдесят лет назад, что более развитая страна лишь показывает менее развитой картину ее собственного будущего.

Попытка коммунистической трансформации на долгие десятилетия выключила Советский Союз из естественного хода мирового хозяйственного прогресса. Сегодня мы стоим перед необходимостью реалистического определения тех задач, достижение которых мы считаем необходимым и, главное, возможным. В этой связи представляется, что в современных условиях важнейшей задачей российских реформаторов выступает обеспечение максимальной открытости страны для западных технологий (не только избирательных) и производств;

"скупка отечественной промышленности" намного менее опасна, нежели недальновидная распродажа невозобновляемых ресурсов, так как эта скупка приносит с собой новые технологии, новые рабочие места, регулярно собираемые налоги и, что самое главное, - повышение жизненного уровня людей и усвоение ими новой культуры труда, а именно это оказалось несколько десятилетий назад базой для формирования новой социальной структуры постиндустриального общества. Результатом такой политики должен стать отказ на протяжении

нескольких ближайших десятилетий от сырьевой ориентированности экономики и переход к высокоразвитому индустриальному производству, пусть и основанному на западных технологиях и инвестициях. Альтернативой же может оказаться скатывание страны в разряд государств "четвертого мира", возвращение откуда в ближайшие годы станет реальным только через установление режима обновленного колониализма.

В заключение считаю необходимым отметить, что происходящая сегодня постэкономическая трансформация

базируется на столь фундаментальных основаниях, что альтернативой ей может стать, скорее всего, лишь самоуничтожение всей человеческой цивилизации.

Объективный характер происходящих процессов служит, на наш взгляд, дополнительным подтверждением того, что время, когда мы могли свободно рассуждать о возможностях выбора, во многом осталось позади. И, оглядываясь на те пути, которые избирались российскими и советскими политиками на протяжении последнего столетия, невольно приходишь к

кощунственной мысли, что это даже и к лучшему.

А.Г. ГЛИНЧИКОВА (кандидат философских наук, Московский Государственный лингвистический университет).

Вы сформулировали идею, что по мере постиндустриального развития растет, причем очень быстро, неравномерность мирового развития...

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Всякого развития. И даже внутри страны.

А.Г. ГЛИНЧИКОВА. Да, внутри страны, но и в мире. Причем неравномерность качественно изменяется, сам этот темп нарастания неравномерности тоже неравномерен, вплоть до того, что постиндустриальный процесс в наиболее развитых странах препятствует в некотором смысле развитию остальных. Он создает такие условия, которые образуют новые трудности для развивающихся стран и которых не было бы, если бы не было постиндустриального процесса. Отсюда вопрос. Не разрушает ли интенсивный

постиндустриальный процесс в наиболее развитых странах какие-то тенденции даже индустриального, не говоря уже о постиндустриальном, развития в отстающих странах? Не происходит ли так, что одно здесь как бы отбрасывает другое?

И второй момент. Не кажется ли Вам, что постиндустриальный процесс, вообще говоря, невозможен в "неравномерном" обществе? Как раз равномерность развития общества способствует, стимулирует постиндустриальный процесс, и в этом смысле, не кажется ли Вам, что нарастание неравномерности в мире

является угрозой и для
постиндустриального процесса?

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Да, разумеется.

А.Г. ГЛИНЧИКОВА. А значит, не
можем ли мы говорить о том, что
какая-то точка уже пройдена, и
неравномерность в мире такова, что
даже в самых развитых странах идет
обратный процесс, нарастание
индустриальных моментов,
характерных для прежнего периода, -
нарастание каких-то сил и в
политике, и в экономике, которые
направлены против
постиндустриальных тенденций?

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Я отвечу очень коротко. Что касается первой части Вашего вопроса, то она лежит, скорее, в плоскости общественной морали, свойственной тому или иному типу социума. Мешает ли постиндустриальный мир развитию мира индустриального? Представим себе Россию. Что плохого сделал постиндустриальный мир России? Ничего. Но постиндустриальный мир способствовал в последнее время формированию российской финансовой олигархии и в результате "откачал" отсюда денег в десятки раз больше, чем сам вложил. Но ведь он не брал их себе в виде процентов,

наоборот, он сам потерял здесь очень много. За вывод капитала должны бы отвечать российские олигархи. Ведь не постиндустриальный мир создает у людей ощущение того, что жить в этой стране нельзя, и делать здесь нечего. Начинается бегство капиталов и умов. Оно происходит повсеместно в развивающихся странах. В этом отношении, конечно, постиндустриальные государства всасывают их, как пылесос, обирают остальной мир, подобно колонистам, выгребавшим из колоний все золото и т.п. Это в некотором отношении проблема выбора людей в менее преуспевших странах. Однако мое

выступление не было посвящено анализу общественной морали, а касалось общеэкономических характеристик современного развития.

РЕПЛИКА. Речь идет не о том, кто виноват, а о том, как это реально отражается на состоянии той или иной страны.

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. А вторая часть Вашего вопроса напрямую относится к теме выступления. Опасно ли такое положение дел? Очень опасно! В принципе, когда мы переходим к

новому обществу, то этот переход и нарастание неравенства во всех формах - вещи суть тождественные. Точнее говоря, развитие постиндустриального общества сопряжено с нарастанием неравенства.

А.Г. ГЛИНЧИКОВА. А нарастание неравенства никак не отражается на развитии постиндустриального общества?

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Анализ показывает, что нарастание неравенства лишь ускоряет процесс

становления постиндустриализма. Оно ускоряет его, но это такое ускорение, когда "поезд" может сойти с рельс... Что будет дальше - я не знаю. Но обратного движения не будет. Здесь нет механизма поворота обратно.

В.М. МЕЖУЕВ (доктор философских наук. Институт философии РАН). У меня не экономический вопрос, - я не экономист, - а терминологический. Насколько все-таки корректно отождествлять понятие "постэкономическое" с понятием "постиндустриальное"?

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Да не корректно!

В.М. МЕЖУЕВ. И во-вторых, насколько корректно отождествлять понятие "постэкономическое" с понятием "посткапиталистическое"?

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. А это интересный, кстати, вопрос. Я никогда не пытался отождествлять "постэкономическое" с "постиндустриальным", потому что это разные оси, по которым идет членение истории на периоды. "Постэкономическое" - это, скажем так, общественное явление, которое

развивается в рамках
постиндустриализма. Оно не то что
является следующей стадией. Оно
как бы идет параллельно, но
запаздывает. Постэкономическое
общество - это общество с новой
системой мотиваций, с новым
генератором, с новым "моторчиком"
развития. А доиндустриальные типы
общества, индустриальные - все они
основаны на экономическом типе
мотивации. Они составляют
экономическую эпоху. Зрелое
постиндустриальное общество - это
начало формирования общества
постэкономического. Ведь даже
услуги можно производить сугубо

экономическими методами, зарабатывая на этом деньги. Допустим, тот же самый Сингапур или Гонконг производят огромное количество услуг в финансовой сфере. Они производят услуги, но не представляют собой постэкономическое общество. Оно не возникает автоматически. Это процесс усвоения новых ценностей, требующий нескольких поколений. Я не хочу сказать, что новый этап уже наступил. Наоборот, я считаю, что его сейчас нет, а есть тенденции, которые к нему ведут, и притом вполне актуальные.

В.Г. ФЕДОТОВА (доктор философских наук, руководитель Центра методологии социального познания Института философии РАН).

Наше обсуждение еще только началось, но уже после первого выступления ясно, что нелепо доказывать, будто кто-то помешал осуществить реформу в России. Мировое развитие драматично по своей сути. Отсутствие простого понимания подлинного трагизма процесса развития не дает нашим

"реформаторам" права говорить о реформе.

Нам представлена сегодня концепция, согласно которой постэкономические тенденции в современном мире составляют третью эпоху в развитии общества после ее архаической (естественной, доиндустриальной), а затем экономической (технологической, индустриальной) фазы.

Разумеется, приверженность чему-либо всегда имеет свои недостатки, связанные с границами понимания,

диктуемыми избранной научной тенденцией и логикой. Имеет их и первое выступление. Указанные три эпохи развития - доэкономическая, экономическая и постэкономическая, безусловно, принадлежат всему человечеству, но не все общества проходят их одновременно, а некоторые не проходят вовсе. То, что еще не было заметно Просвещению - различие исторических судеб Запада и не-Запада, где Россия - только частный случай, пусть хоть и особый, теперь отмечено многими, включая теоретиков модернизации, А. Тойнби, С. Хантингтона.

Методологически это составляет нерв прогнозирования будущего. Поэтому важно понять, как поведет себя незападный мир, Россия, которая для нас - место нашей жизни, а не просто частный, хотя и интересный своей спецификой случай, и перед лицом нового вызова Запада -его перехода в постиндустриальную, постэкономическую эпоху, а в терминах других авторов - в посткапиталистическую, информационную, постсовременную и пр. Как поведет себя незападный мир?

Конечно, становление экономических интересов и экономической связи людей шло одновременно с формированием индустриального хозяйства. Оно просто формировало предпосылки для перехода к постэкономическому порядку, но и во многом совпадает с ним, несмотря на то что два этих процесса характеризуются существенно различными признаками. Основой для сравнения доэкономического, экономического и постэкономического обществ В.Л. Иноземцев считает систему соподчинения индивидуальных интересов. В доэкономическом

обществе они состояли во взаимодействии с природой для обеспечения непосредственно необходимых средств к жизни, в экономическую эпоху приобрели материальный характер. В постэкономическую эпоху интересы становятся многомерными. Рассматривая дихотомию труда и творчества, он показывает доминирующее значение творчества интеллектуальных элит в постэкономическом обществе.

Остановлюсь на ряде дискуссионных аспектов этой концепции.

Во-первых, имеется некоторая негативность всех определений, которые достигаются посредством приставки "пост". Это отмечает и В.Л. Иноземцев. Он справедливо указывает, что постиндустриальное характеризуется такими чертами, которые отрицают индустриальное общество и в меньшей мере интересуется преимуществом первого и второго типов общества. Те же недостатки выступающий находит в термине "постсовременное". Понятно, что описание трансформации экономического общества в постэкономическое не может не иметь тех же негативных

характеристик, по определению. Но одновременно ясно, что при выборе этого ракурса интерпретации открываются новые черты общества будущего, контуры которого пока еще не позволяют дать ему меньший набор применяемых названий, чем мы имеем сегодня.

Во-вторых, дело не просто в творческом характере постэкономического (постиндустриального, постсовременного) общества. В.Л. Иноземцев обратил особое внимание на то, что в постэкономическом обществе только творческая элита

следует внеэкономической мотивации. Ее материальные проблемы были решены предыдущими поколениями или решаются ею самой без особых трудностей. Но огромная масса населения продолжает следовать экономическим мотивам, не имея социальных условий для процветания там, где образование, знание, редкая профессия является источником богатства. Уже сегодня наблюдается возрастание относительной бедности на Западе в связи с технологической революцией и сокращением потребности в неадекватной этому рабочей силе.

Разумеется, этот уровень бедности находится за пределами проблем выживания, которые решены. Можно ли назвать внеэкономическим общество, основная часть которого не является субъектом его развития и усиливает свою экономическую ориентацию без шанса на успех?

В-третьих, термин "экономическое" общество - это идеальный конструкт, в котором раскрыта экономическая сущность капитализма.

Но подобным образом эта сущность видится главным образом

экономисту или стороннику
экономического детерминизма.
Несмотря на чрезвычайную
значимость экономического мотива
и на общее понимание, что США -
это, по существу, коммерческая
республика, для социологов картина
западного капиталистического
общества выглядит совершенно
иначе. Так в структурно-
функциональной теории Т. Парсонса
экономика соответствует нижнему
социальному уровню - адаптации,
над которым надстраиваются другие
- постановки целей (политика),
социальной интеграции и удержания
культурного образца. (В сегодняшней

России этот нижний уровень, не поддержанный верхними социальными структурами, становится внесоциальным, источником анархии, криминальности и социальной деструкции.) Символический интеракционист Дж. Мид понимает капиталистическое общество как взаимодействие людей посредством символов, за которыми стоят общие ценности. Известные социологи феноменологической ориентации П. Бергер и Н. Лукман полагают, что в обществах Запада индустриальной эпохи происходит социальное конструирование реальности на

основе коллективных представлений. Т.е. во всех описаниях, начиная с М. Вебера (протестантская этика и дух капитализма), экономизм капиталистического общества предстает как следствие ценностно-культурных сдвигов Нового времени, воплотившихся в социальные институты.

Сегодня речь идет о том, что институты еще сохраняются, но ценности меняются вновь, требуя новой институционализации. В этом зазоре социальная деструкция очень возможна, может возникнуть неуправляемая анархия, как называл

ее Дж. Бьюккенен в отличие от управляемой анархии или свободы индустриального периода. Полагаем, что центральной темой анализа постэкономического общества будет становление нового порядка в условиях маргинализации и люмпенизации масс, превращения их в нерабочих. Поэтому в отличие от Д. Белла, называющего экономическую, индустриальную эпоху капитализма технологической, а постиндустриальную фазу социальной, я думаю, как раз наоборот. Экономическая мотивация капитализма была защищена культурной или религиозной

мотивацией и жестко
институционализированной
социальной структурой.

Именно экономическое,
индустриальное, современное
общество является социальным. В
тех состояниях которые являются
"пост", более адекватной
представляется предложенная в
одной из работ А.Ф. Зотова
характеристика "антропозой", ибо
здесь встанут задачи
самоорганизации человеческих
сообществ. Общество как бы вновь
вытеснится сообществами, город

деревней, индивидуализм
коммунитаризмом.

Как будет защищена господствующая
интеллектуальная элита
постэкономического общества, мне
не ясно. Но уже не на шутку кажется
значим сегодняшний российский
опыт, где массы выброшены на
уровень выживания, а новые русские
состоят из необразованной,
люмпенизированной по внутренним
качествам среды нуворишей, на
одном полюсе, и интеллектуально
развитой, почти постэкономической
элиты, связанной с банками и
редкими профессиями, на другом.

Здесь смешалось доэкономическое (чего, разумеется, не будет на Западе) с постэкономическим. На Западе грядет смешение экономического с постэкономическим. Среднего класса нет в России, как и в постэкономическом обществе. Люмпенизация масс не пугает новых русских духовных люмпенов. Они сильнее. Для постэкономической российской элиты это - тоже не проблема: они не ездят в метро и автобусах, не ходят в кино и на городские пляжи, не отдают детей в муниципальные школы и российские университеты, не теряют денег в банках, не покупают продукты на

оптовых рынках, не вступают в конкуренцию с бандитами и относительно безопасно живут, а главное, они не думают о проблемах тех, кто ниже их по уму и образованию и даже о тех, ученых, например, которые объективно могли бы пополнить их ряды, но находятся в доэкономической фазе. Их не волнуют взятки и коррупция, невозможность решить проблему жилья для себя и детей и пр. Существуют пропорции разрыва между верхним и нижним слоем, которые в России близки к критическим. Но если здесь начнется бунт, они уедут, ибо они -

лучшие из лучших - заслуживают другой жизни. Но куда уедет постэкономическая элита Запада, когда она окажется в подобном состоянии? И не из-за бедности масс в российском смысле, а из-за неудовлетворенности их более серьезных экономических притязаний и социальной ненужности. Я полагаю, что есть критические параметры разрыва в осуществлении социальных ролей верхним и нижним классом. Массы легко "купить", предоставив их своим инстинктам, но критическая масса ненужных людей опасна для элит. Может быть, единственный

смысл противостояния социальных систем состоял в том, что Запад извлек из него пользу для себя, защитив свой господствующий класс от восстания бедноты социальными программами, велферами и медикерами, аффирмативными акциями и пр. Не исключено, что сегодняшний российский опыт - предупреждение постэкономическим элитам будущего, а социализация масс и социальный порядок - главная проблема постэкономического общества.

В-четвертых, понятие экономического общества В.Л. Иноземцев раскрывает не как эмпирическую реальность, а как теоретический конструкт, построенный на основе классовой структуры, эксплуатации, доминирования в производстве энергии, сырья и труда, преобладании экономических мотивов. Поэтому не вполне ясно его отношение к более широкому конструкту "современное общество", в котором он склонен видеть эмпирическую принадлежность к современности, сегодняшнему дню, а не набор таких сущностных

характеристик как ориентация на инновацию при ограничении традиций, инновационный, а не мобилизационный тип развития, секуляризм, четко выделенная персональность, технологический характер (индустриализм и экономизм), целе-рациональность, массовое образование, замена мировоззренческого знания научным, разделение труда, универсализация развития, и др. То же относится к понятию "постсовременное общество". Повторим еще раз, что постмодернизм интересуется преимущественно своим взглядом на общество, а не тем, каково оно. Это -

как раз взгляд постэкономической (уже сегодня) элиты, для которой главное противоречие - возможность социального ущемления ее своеволия, ограничения ее права жить или видеть иначе.

Постмодернисты ни на чем не настаивают, но хотят, чтобы общество не препятствовало им в самореализации и позволяло безопасно жить в своем анклав.

Поэтому термин "постсовременное общество" интересен для модернизационных теорий, стремящихся учесть эволюцию самого догоняемого Запада. Этот конструкт объединяет, конвергирует

противоположности традиционного и современного общества: традицию и инновацию, религиозность и секуляризм, демократию и авторитаризм, индивидуальность и коллективизм, целе-рациональность и ценностную рациональность.

Эмпирически, по мнению многих специалистов, ему соответствовало японское общество на фазе своего взлета в 70-е годы.

Мы полагаем, что при всех различиях акцентов при разных обозначениях состояния общества после капитализма, более важным является не конкуренция концепций, а их

способность к накоплению "банка данных" о текущих и предстоящих трансформациях. Раскрытие значимости творчества вместо труда, разрыва высокопрофессиональных элит с массами, изменений классовой структуры, перехода от вещественной формы собственности к денежной, хранимой в банках, - безусловная заслуга теорий постэкономического развития. Но заслуги постинформационных теорий ничуть не меньше и взаимосвязаны с отмеченными. Так, Дж. Несбит в знаменитой работе 1982 г. "Мегатенденции" указывает на десять базовых изменений при

переходе от доинформационного общества к информационному: от индустриального - к информационному состоянию, от развитых технологий к высоким, от национальной экономики - к мировой, от краткосрочных процессов и прогнозов к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к партиципаторной, от иерархии - к рабочим сетям, от господства Севера к значимости Юга, от дихотомии "или-или" к многообразию выбора. Основные

черты различий современного и постсовременного обществ мы уже обозначили выше.

На мой взгляд, выбор категорий, или точнее, их системы, для описания социальных трансформаций зависит от целей. Нет какой-то предпочтительной и, тем более, единственной типологии.

Складываются следующие категориальные ряды для характеристики типологических изменений в мировом развитии:

- доинформационное -
прединформационное -
информационное общество;

- доиндустриальное -
индустриальное -
постиндустриальное общество;

- докапиталистическое -
капиталистическое -
посткапиталистическое общество;

- доэкономическое - экономическое
- постэкономическое общество;

- традиционное - современное -
постсовременное общество.

Эти ряды объяснений расположены по принципу их расширения, способности характеризовать не только отдельные, пусть хоть и очень важные аспекты общества, но его в целом.

Понятия доинформационного, доиндустриального, докапиталистического, доэкономического, безусловно, включены в характеристики традиционных обществ,

складывающиеся из этой совокупности, тогда как само традиционное не может быть редуцировано ни к одной из своих составляющих. Равным образом современное общество является прединформационным, индустриальным, чаще капиталистическим, экономическим, но не редуцируется к этим своим аспектам. Соответственно постсовременное общество - это то, которое по предположению является информационным, постиндустриальным, постэкономическим, часто посткапиталистическим (ибо может

сформироваться и из докапиталистических обществ), но опять же не сводится ни к одному из обозначенных свойств.

В-пятых, отказ от терминов "традиционный", "современный", "постсовременный" позволяет увидеть в развитии Юго-Восточной Азии только догоняющую модернизацию. Однако многие исследователи мучительно пробивались к пониманию неожиданного, пусть, поверим экономическим доводам В.Л. Иноземцева, и нестабильного, и неспособного быть удержанным

азиатского роста, прежде всего Японии. Американский социолог П. Бергер испытывал колоссальные трудности понимания того, почему Тайвань, а не Филиппины с американским присутствием стали центром азиатского развития. Он предложил для выхода из теоретического тупика (из-за отсутствия в то время термина "постсовременное общество"), две модели развития: институциональную (заимствование западных институтов) и культур-центристскую (культурная специфика, использованная в качестве фактора развития). Позже

японские социологи описали модель своего неожиданного подъема как развитие на основе собственной идентичности, которое и было названо (в России - мною, в США - Р. Ингельгартом), в отличие от догоняющей модернизации, постмодернизацией. Действительно, взлет Юго-Восточной Азии приводил к выводу, что впервые за пятьсот лет у Запада появился центр соперничества, что возник новый центр развития, произошел вызов Азии, но поскольку он не нес культурной перестройки, ценностных изменений, и производимое мало меняло образ

жизни японцев и др., вывод о неустойчивости подъема или его локальном характере тоже напрашивался, исходя из социально-культурных соображений.

В-шестых, утверждая приход творчества на смену труда в постэкономическую эпоху, В.Л. Иноземцев затрагивает вопрос, насколько возможен такой характер деятельности для масс населения. Когда-то Д. Белл считал, что нескольких Эйнштейнов и Пикассо будет явно недостаточно; должно измениться все население, чтобы каждый или по крайней мере

большинство людей могли с большей полнотой, чем сегодня, реализовать свой творческий потенциал. Однако ситуация выглядит прямо противоположным образом: у большинства населения убывает творческая компонента труда, и возрастает она только у меньшинства. Кроме того, мы не находим ответа на вопрос, какая социальная задача или структура может этому способствовать, и на этот главный вопрос предстоит отвечать. Приведу пример, который характеризует, что научно-технический прогресс не преодолевает отчуждение труда, а

увеличивает его. Участвуя в 80-х годах в обсуждении планов развития Верх-Исетского металлургического завода в Свердловске, я столкнулась со следующим. В цехе горячего проката, основанном двести лет назад Демидовым, условия труда были адскими. Люди работали в жаре, на сквозняке, вручную протягивая стальные листы через дышащие огнем прокатные станы. В цехе холодного проката труд был автоматизирован. Рабочий только нажимал кнопку машины. Между тем текучесть кадров в первом цехе была 8%, а во втором - 15%. Причина - полное отсутствие всякого

творческого начала для рабочих второго цеха. Единственная ручная операция - очистка прокатных валов два раза за смену - казалась им. праздником. В первом цехе были традиции, дружба.

Профессиональным заболеванием здесь были болезни опорно-двигательной системы, но сауна, льготный режим работы исправляли ситуацию. Рабочие второго цеха были озлоблены, одиноки, болели сердечно-сосудистыми и нервными заболеваниями, постоянно увольнялись. Конечно, в новом цехе не сложилось постиндустриальное производство или

постэкономическое сообщество. Это ясно, но пример достоин обсуждения при абсолютизации творческого начала и предании ему статуса всеобщности по мере технологического обновления.

В 1917 г. эсер П. Сорокин мечтал об абсолютном равенстве, включая равенство духовное, достигнутое посредством образования. Думать, что оно недостижимо лишь на каком-то переходном этапе, а впоследствии будет достигнуто, почти смешно. А ведь только духовное равенство может вести к всеобщности творчества. М. Вебер

раскрыл, каким образом капитализм сформировал трудовую мотивацию нетворческих профессий, как тяжкий крест, который люди должны нести перед богом. Позже экономические мотивации могли заменить этот глубокий сдвиг. И только профессии как призвания, которые всегда были и есть, но не обеспечивали господствующего статуса, создавали творческий удел избранных.

Внеэкономические мотивации русских, нестяжательство, мирская аскеза православия вместо трудовой явились одной из причин бедности, социалистических экспериментов и невозможности цивилизованного

(западного типа) капитализма в России. М. Вебер понял это в 1905 г., пытаясь, как обнаружил в его архивах Ю.Н. Давыдов, в переписке с С. Булгаковым понять трудовую мотивацию русских.

Российские процессы 90-х годов продемонстрировали архетипическое содержание воли, которая массами населения мыслится как единственно возможное проявление свободы ("по своей по глупой воле пожить", - как говорил один из героев Достоевского). Социальной базой режима стал рабочий, который не хотел более идти на завод и

предпочитал формы экономической
самодетельности в полном
соответствии с анархическими
теориями - на основе негативного
индивидуализма, самопомощи,
кооперации. В своих работах я уже
пыталась раскрыть как витальность
этого типа выживания, так и его
внесоциальный адаптивный
характер. Власть использовала
негативную мобилизацию, обменяв
предоставленное массам право на
анархию на их лояльность режиму и
не поддержала перспективные
формы самоорганизации населения
на институциональном уровне.

В российской литературе
возобладало мнение, что
сложившаяся ситуация
свидетельствует об успехе
применения догоняющей модели
модернизации в России, поскольку
переход к самопомощи,
децентрализации, партиципаторной
демократии характерен для
сегодняшней трансформации Запада.

В.Л. Иноземцев, анализируя будущее
Запада, подтверждает наличие
подобных тенденций. Но содержание
их в России и на Западе соотносится
как то, что произошло "до"

(капитализма) и "пост" (после него).
Переход в доэкономическое общество внешне похож на переход в постэкономическое, демодернизация на постмодернизацию, но сущность процессов принципиально отличается.

Отмеченное сходство ставит в качестве центральной проблемы эволюцию социального порядка на Западе, переход от иерархии и институтов к сетям и обсуждение вопроса о том, в какой мере Россия может полагаться на этот образ порядка.

ВОПРОС. Являются ли, с Вашей точки зрения, Европа и США постсовременными обществами? И где в этой системе координат находится Япония?

В.Г. ФЕДОТОВА. Я не скажу, что Европа или Америка уже вполне постсовременные. Тенденции и реальность все-таки вещи разные... А японская модернизация... Как Вам сказать? Я рассуждаю в системе категорий теории модернизации. Переходят ли они от традиционного общества к современному обществу или они переходят к другому состоянию, где синтезированы

традиционные и современные черты? Скорее, приходится признать второе, даже если это состояние неустойчиво.

ВОПРОС. Но не следует ли отсюда, ввиду такого синтеза, что по типу общества Япония находится впереди США?

В.Г. ФЕДОТОВА. Я не утверждаю, что Япония впереди США, и никто, думаю, так не считает. Я утверждаю лишь, что когда американцы попытались провести либерализацию, объем разрушенного

сектора был настолько велик, что японские социологи сказали: "Не трогайте нашу культуру! Мы сами проведем модернизацию на основе собственных традиций. Мы будем использовать наши традиции, но изменим наши цели. Мы больше не будем милитаристами. Мы не будем больше такими опасными".

В.М. МЕЖУЕВ. Европейцы ведь тоже модернизировались не вопреки своим традициям, а в силу своих традиций.

В.Г. ФЕДОТОВА. У европейцев органически-инновационный тип развития по капиталистическому пути. В отличие от них японцы проскочили фазу современного развитого капитализма, и, находясь в почти не разрушенном традиционном обществе, сумели стать конкурентоспособными с Западом.

ВОПРОС. Есть ли у Вас критерии, по которым одно общество можно считать более "продвинутым", чем другое?

В.Г. ФЕДОТОВА. У меня нет таких критериев. Я просто говорю, что Япония, шагнула вот на эту ступень, миновав такие-то стадии. И перед ней стоит проблема: а не надо ли вернуться, чтобы их пройти, ибо сегодняшняя стадия не слишком устойчива.

ВОПРОС. Раз нет критериев превосходства, то не получается ли так, что Запад и Япония в типологическом плане равны?

В.Г. ФЕДОТОВА. В социальном смысле они неравны, потому что

Запад прошел модернизацию, и стал центром мирового развития, притягательным и для незападных стран. Япония же остается страной локальной культуры. Это подобно советской модели: на основе собственной идентичности догнать Запад.

В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ. Согласно моей позиции, Япония находится далеко позади от США, США ее намного обгоняют. А Вы утверждаете, что они как бы пребывают в одной категориальной структуре. Как это понять?

В.Г. ФЕДОТОВА. Дело в том, что Вы говорите только об экономике, а я говорю о социальном строе, о цивилизационных особенностях. Как раз я помещаю их в разные категориальные структуры. Я не говорю, что опыт Японии лучше, я говорю лишь, что он такой, каким он, видимо, только и мог быть в этой прежде отсталой стране. И потом, я вот что еще хочу добавить. Конечно, неудовлетворенность той или иной системой категорий существует. И я испытываю эту неудовлетворенность тоже. Приняв модернизационную теорию, я довела ее до логического конца, работая в этой системе

категорий. Но сейчас я написала статью, в которой показываю, что если довести концепцию справедливости Ролса до предела, то мы получим рыночный социализм. А если мы пойдем от идеи социализма по пути увеличения степени свободы, то придем к либеральному капитализму. Я просто показываю, что сегодня по видимости возникают трудности любой линии развития. И японская модель развития легко может сорваться с успешного пути.

Риск состоит в том, что он риск для всех. И никто не может сказать, что есть какая-то идеальная модель. Все

испытано, все исчерпано. Везде есть свои трудности. И поэтому возникает попытка найти какие-то такие усредненные обязательные параметры, пусть не концептуальные, эмпирические, но при которых общество будет устойчивым, "хорошим", справедливым.

А.Ф. ЗОТОВ (доктор философских наук, зав. кафедрой истории зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова).

Так уж получилось, что тема нашего сегодняшнего "круглого стола" как-то сама собою преобразовалась в обсуждение комплекса вопросов, которые поставил в своем выступлении Владислав Иноземцев. Для него (как, видимо, и для большинства из здесь присутствующих) *теоретически* понятно, что в современном мире происходят (и даже уже произошли) настолько важные перемены, что ни одна из классических доктрин совсем еще недавнего прошлого уже не годится для того, чтобы представлять функционирование, и тем более развитие, современного

общества. Однако отказаться от традиции и пуститься в плавание по неосвоенным интеллектом просторам внезапно и как-то незаметно изменившейся реальности очень нелегко, особенно для людей старшего поколения, к которым я с некоторым сожалением вынужден причислить и себя. Вся наша сознательная жизнь прошла под знаком той парадигмы постижения социального бытия, которую, при всех оговорках, можно назвать "экономической". Понятно, что речь идет вовсе не только об "историческом материализме" с его базовым понятием "социально-

экономической формации", но и о множестве вариаций этой парадигмы на Западе, перечислять которые здесь излишне. К тому же это был не только теоретический подход, но и программы социальных преобразований (не случайно ведь они и назывались-то у нас "социально-экономическими"), и комплекса политических лозунгов, и основы правопорядка. Да и сегодня, с практической точки зрения, как-то странно утверждать, что устарели слова Маркса о том, что человек, прежде чем заниматься какими-то другими вещами, должен есть, пить, одеваться, иметь жилище - и как раз

деятельность по обеспечению всех этих "изначальных" потребностей и является *основой общественной жизни*. И сегодня большинству из нас было бы совсем неплохо иметь приличное жилище и сносную зарплату, достаточную для того, чтобы не думать о том, на что мы купим зимние ботинки на следующий год, и не придется ли нам отказаться от таких деликатесов, как мясные продукты. И коль скоро такие заботы были заботами подавляющего большинства человечества, и коль скоро и плановое, и рыночное хозяйство работали чуть ли не целиком с этим материалом

непосредственно, а прочие объекты были теснейшим образом связаны с этим материалом - иначе говоря, поскольку этот материал был "субстанцией" экономики -то социальные интересы могли трактоваться, без большой погрешности, как "материальные", или "экономические", интересы. Индустриальное общество в наиболее чистом виде воплотило в себе эти характеристики и такую структуру.

Но что же изменилось в современном мире? Разве производство уже не лежит в основе

всей остальной культуры? Разве материальные условия воспроизводства и сохранения человеческой жизни перестали быть базисными? На мой взгляд, это вряд ли можно утверждать - даже чисто теоретически. Так же точно, как нельзя утверждать, что и в индустриальном обществе не было таких сфер культуры и таких людей, носителей этой культуры, которые в своей деятельности вдохновлялись совсем другими ценностями, нежели экономические - даже в самой широкой трактовке этого термина. Не говоря уже о ценностях власти, или ценностях эстетических, были

вполне животворящими и ценности чистого знания, и ценности религиозные, которые, при всей мощи прямого или косвенного давления на них "общественного мнения" с его господствующими экономическими мотивациями, оставались достаточно автономными, а для их носителей были даже самодовлеющими. Пусть наука, для того чтобы продолжать существовать, особенно в областях, где для исследования нужно было сложное и дорогостоящее оборудование, должна была либо приносить практическую пользу в виде прикладных исследований и

разработок, либо *делать вид*, что она стремится именно к этому - выдающиеся исследователи, мысль которых и двигала вперед теоретическое знание, прежде всего интересовались тем, "как оно там устроено", т.е. удовлетворяли особого рода любопытство (хотя им не чужды были и другие устремления, такие, как признание со стороны коллег, известность за пределами своего двора и своей семьи, и пр.). Ученые звания и научные премии *могли* иметь эквивалент в материальных благах и звонкой монете, но все-таки для ученого это последнее не было главным - как для гениев поэзии и

музыки главным были поэзия и музыка, хотя "можно рукопись продать", а за исполнение симфонии получить гонорар.

Один ученый мирового уровня, когда ему предложили подписать письмо с призывом запретить атомное оружие, ответил, что политикой он не занимается, а взрыв бомбы над Хиросимой был "превосходной физикой". И то, что за его исследования платили ему и политики, и промышленники, преследовавшие своекорыстные интересы (среди которых у вторых-то были на первом месте

экономические), видимо, оставалось на периферии его сознания.

Что же все-таки произошло? Почему есть основания говорить сегодня о формировании "постэкономической парадигмы"? Главное, на мой взгляд, в том, что изменился "удельный вес" той части деятельности, той части активной жизни, которую человечество в целом и большинство отдельных людей были вынуждены тратить на обеспечение поддержания материальных условий жизни (следует также учесть изменение содержания этого понятия - плохо обработанная звериная шкура все-

таки нечто другое, чем современный массовый костюм - не говоря уж о платье от Версачи). Эта перемена сказалась, например, на социально-классовой структуре общества: даже если сегодня вообще можно говорить о такой структуре, то уж наверняка нельзя утверждать, что "основные классы" - это те группы людей, которые составляют подавляющее большинство населения и заняты непосредственно в производстве материальных благ. И особенно впечатляет то, что сегодня доля производителей "простого продукта", работников сельскохозяйственного производства (как и сельских

жителей вообще") стала чуть ли не "пренебрежимо малой" в общей массе активного населения.

Далее, и это связано с только что сказанным. Для того чтобы обеспечить *материальные* условия своего существования, и обществу, и отдельному человеку теперь приходится тратить несравненно меньшую долю совокупного времени жизни, чем это было прежде. Говоря традиционными формулами, сокращается доля "необходимого" (для обеспечения любых, не только материальных, условий жизни человека) и растет доля "свободного"

времени. При этом, конечно, "свободное" время вовсе не обязательно время ничегонеделания - оно как раз может быть наиболее производительным, хотя когда речь идет об индустрии отдыха, то она все-таки обеспечивает не производственную сферу деятельности клиентов... Да и сравнение дохода "фермера" с доходом эстрадной звезды, профессиональных спортсменов, даже журналистов, профессиональных политиков и "валютных" проституток впечатляет и наводит на размышления.

Еще одна деталь. В обществе, которое стало столь эффективным в смысле производства "базовых" материальных благ, сама ценность таких благ существенным образом девальвируется (как, соответственно, снижается социальный статус тех, кто в этой сфере подвизается). Кому сегодня придет в голову петь славу "рабочим рукам" (как, впрочем, кажется, и инженерному таланту на заводе или на ферме - это, в лучшем случае, "любопытно", но не более того)? Не потому ли и капитал "перераспределился" - промышленный уже вовсе не на первом месте, "магнатов" нужно

искать не среди промышленников, а самым богатым человеком мира сегодня стал, кажется, Билл Гейтс, "бизнес" которого вовсе не "нефть" или "строительство".

Поэтому термин "информационное общество", который сегодня так часто употребляется (в том числе и философами) и который кажется значительно более содержательным, чем термин-бирка "постиндустриальное общество", все-таки довольно далек от того, чтобы выразить сущность происходящих перемен. А она, на мой взгляд, в том, что человечество и

на самом деле вступило в "эру свободы", которая имеет первейшей предпосылкой избавление от очевидной и жесткой, повседневной и массовидной, "внешней необходимости" - производить "материальные блага". Производить эти "блага" весьма эффективно и в массовом масштабе, затрачивая на это (кстати, благодаря достижениям науки и техники) человечество более или менее научилось - и в результате, повторяю, утратило уважение к этому виду деятельности, низвело ее на роль чего-то "не самого важного". Оно, человечество, уподобляется сегодня крыловской "свинье под

дубом", для которой "желуди" - нечто само собой разумеющееся, чуть ли не с неба падающее. И в самом деле, для большинства населения так называемых развитых стран непосредственной данностью является некий совокупный универсам, а его производственные "корни" еще меньше заметны, чем экологические последствия индустриального превращения природы в "мастерскую". И, пока есть такие "желуди" (где бы они не рождались - в "третьем мире" или в итоге деятельности остатков собственного активного населения, занятого в промышленности и

сельском хозяйстве), "большинство" может свободно распоряжается своим свободным временем - или обслуживать тех, кто свободно распоряжается своим свободным временем (включая и себя самих "за пределами" того времени, которое они вынуждены отнимать у себя, чтобы пожить свободно).

Но ситуация эта весьма опасная. *Такое* человечество, свобода которого обеспечена могуществом науки и техники, человечество, достигшее на предыдущей стадии способности делать *почти все, что угодно*, в большинстве своем уже не

сознает границ собственной свободы.
Оно похоже на пассажиров
"Титаника", абсолютно уверовавших
в безопасность морского
путешествия на этом чуде техники.
Только теперь оно путешествует "во
времени", вовсю используя
возможности своего корабля...

Долго ли продлится это
"постмодерное" и
"постэкономическое"
существование? При условии
девальвации научных и технических
ценностей - не так уж долго,
поскольку только дальнейший
прогресс науки и техники способен,

а так или иначе, нейтрализовать возникающие, "внутри" свободного мира и "вне" его, опасности (терроризм, военные авантюры, наркомания, массовая преступность, религиозный, национальный и культурный фанатизм), экологические последствия *такой* свободы и пр., на мой взгляд, уже не могут быть удержаны в узде ни полицейскими средствами, ни религиозной или моральной проповедью - коль скоро истоки катастрофы, благодаря той же технической мощи человечества, *уже не предполагают массового действия людей.* "Красную кнопку"

ядерной, бактериологической, генетической, геологической, метеорологической, или какой еще там из современных опасностей, нажмет (или. Бог даст, не нажмет) политический, религиозный, культурный *фанатик*. Вы хотите сказать - "тот, который может принимать ответственные решения"? Но разве вы уверены, во-первых, в том, что знаете наверняка, *кто* способен их принимать в таком мире, техническая мощь которого оказалась связана с его чудовищной, многофакторной неустойчивостью? Не сравнивались ли Президенты "ядерных держав" с фанатиками или

преступниками, минимальная образованность которых вполне достаточна, чтобы поиграть в Армагеддон - поскольку и ядерное, и химическое, и бактериологическое оружие, как свидетельствует история последних десятилетий, уже попадает в их руки? И не сравнивались ли, по своим возможностям, и те, и другие, с теми, кто способен сделать нечто чудовищное по своим последствиям, например, по недомыслию (вроде тех, кто украл на одной из наших атомных станций медный кабель, обеспечивавший функционирование систем охлаждения реактора) или по

неосторожности? Еще одно сравнение, вполне понятное и человеку индустриальной эпохи: чтобы устроить крушение пассажирского поезда или химического завода, вовсе не нужно, чтобы большинство пассажиров или работников химзавода начали буйствовать и ломать все вокруг - достаточно, чтобы была выведена из строя некая "мелочь" - в "нужное время и в нужном месте"... А ведь есть еще и "внечеловеческие" источники случайностей, которые "прибавили" своей мощи техническому прогрессу (например, землетрясение в местности, где есть

атомные станции, исследовательские биологические лаборатории, хранилища современных "средств сдерживания" и пр.) - это совсем другое, чем ашхабадское землетрясение, при всех его ужасных последствиях.

Все это, по-моему, и составляет суть мира, который вышел "за пределы" экономического общества. Все прочее (вроде вопроса, за какими пределами разница в богатстве перестает быть социально значимой) скорее детали - пусть интересные, и даже важные, но все же детали. Если мы еще озабочены будущим человечества, а не просто играем,

здесь и сейчас, в одну из интеллектуальных игр, если мы - такие, как мы - хотя бы некое активное меньшинство человечества, не повторяем либо безнадёжное "чему быть, того не миновать", либо самодовольно - эгоистическое "после нас хоть потоп", если конфликт поколений и деградация традиционных форм семьи не являются симптомом угасания связи между поколениями и необратимой утраты историчности как специфического способа бытия человека и "конца истории" - то изучение *постэкономического* общества и для нас, погрязших в

экономических проблемах,
первостепенная проблема. И
проблема, которую со своих позиций
не могут даже увидеть ни
экономисты, ни юристы, ни
социологи, поскольку она
"трансцендентна" их предметным
сферам, которые как раз и
сложились, в их современном виде, в
"экономический" период
существования цивилизации
европейского типа. А вопрос о том,
должно ли человечество переходить
к энергетике, которая не вредит
нашим генам, или так преобразовать
собственную "телесную природу",
чтобы никакие излучения были

нашим потомкам нипочем, или же начать массовое изготовление и использование "запчастей" для организма - это проблема стратегии свободного человечества - человеческого выбора и возможностей науки на определенном уровне ее развития. И стратегия, и спектр выбора, разумеется, могут меняться: сегодня, например, мы можем выбирать между химической и биологической защитой растений и животных и генетическим преобразованием их природы, а также технологиями промышленного синтеза продуктов питания; завтра, не исключено,

откроется перспектива глубокого преобразования собственного метаболизма или колонизации межпланетного пространства. Причем этот выбор вовсе не должно делать *все* человечество, как сегодня вовсе не все человечество должно выбирать одну из религий, одну политическую систему, одну ориентацию в области развития энергетики. Однако остается некий - пожалуй, единственный - инвариант, где нет никакой многовариантности, дилемма в чистом виде, "быть или не быть": человечеству не выжить (уже не выжить!) без науки, без научного образования, без рационалистически

ориентированного мировоззрения, которое питает философская культура. И мне представляется, что современная политика наших лидеров в отношении образования и науки самоубийственна для России. А если она станет примером подражания для развитых стран - то и для земной цивилизации. Хуже всего то, что такая перспектива, учитывая сказанное мною в начале выступления, вполне реальна.

РЕПЛИКА. Обычно мы достаточно жестко разделяем свободное и производственно необходимое время. Но ведь есть большая разница между,

допустим, колхозником, идущим за картофелекопающей машиной и селекционером. Он без своего творчества просто не может. И мы скорее многие отрасли сельского хозяйства переделаем таким образом, что они будут творчески интересоваться людей, чем изменим наш организм настолько, что вообще перестанем есть. Т.е. все социальные инновации вполне ограничены типологией нашего исходного метаболизма, независимо от того, чему они служат - "необходимости" или "свободе".

А.Ф. ЗОТОВ. Что касается подобных переделок, - и системы производства, и нашей собственной природы, - то они уже происходят. Вот один момент. В принципе мы уже дошли до такой степени технологического развития, что сейчас нужен один час работы в неделю для того, чтобы, скажем, у меня на даче все отлично функционировало. Значит, остается огромное количество свободного времени. И я рассуждаю так: а не пойти ли мне, допустим, выпить в духе "русской идеи а ля Венедикт Ерофеев" или еще что-нибудь в этом роде...

РЕПЛИКА. А может Вам будет хотеться и что-то другое!..

А.Ф. ЗОТОВ. Может быть. Я и говорю - это одна из особенностей такого мира -кому-то хочется пойти "по японскому пути" развлекаться с гейшами - это один вариант. А другой думает - а вот теперь я пойду домой, возьму старую традиционную бумагу хорошего качества и начну писать тот роман, который я задумывал с детства. Все эти возможности есть! И оказывается, что на определенном уровне общественного благосостояния для этого вовсе не

нужно быть Биллом Гейтсом с его богатством. А может быть, Гейтсом даже не очень хорошо быть, потому что там, в компьютерном мире, гораздо больше угроз времени моей свободы. Где-то нужно вовремя остановиться.

РЕПЛИКА. Вот Гейтс резвясь и играет...

А.Ф. ЗОТОВ. Есть и эта возможность. Есть в принципе такая возможность - уйти в мир компьютерных игр и забыться в виртуальной реальности. Но зачем ее

использовать именно мне? Вот в свое время была такая милая мода (по-моему, ее где-то то ли в Швеции, то ли в Норвегии стали практиковать) - экологически чистые и замкнутые поселения, дома. В таком доме нам обеспечивается все, нужное для жизни, и оказывается, что если мы распространим такого рода практику, то вовсе не обязательно переделывать нашу собственную биологическую сущность.

РЕПЛИКА. Лучше не переделывать.

А.Ф. ЗОТОВ. Можно и не переделывать. Это лишь один из возможных вариантов, это тоже относится к области наших вариантов выбора. Мы можем целиком стать машинами, мы можем стать программируемыми системами, мы можем снова пытаться стать людьми, мы можем до бесконечности, видимо, ну если не до бесконечности, то очень далеко удлинять срок своей биологической жизни. Впрочем, сейчас все больше и больше сомнений в том, является ли подобное благом. Это и раньше достаточно хорошо понимали. В разных культурах разное отношение к

смерти...

Итак, есть множество вариантов дальнейшего прогресса культуры. А кстати, не потому ли мы и не обнаруживаем во Вселенной иной разумной жизни, что ищем, в сущности, себе подобных?.. Т.е. полагаем, к примеру, что если радиоактивность где-нибудь выше нормальной (для нас) в тысячу раз, то значит там БЫЛА цивилизация. Но нормальная цивилизация, хорошо развитая цивилизация ДОЛЖНА БЫТЬ минимально отличной от всего остального, т.е. своей окружающей среды.. А мы ее не видим просто

потому, что сами уже находимся в **противоестественном** состоянии. И еще один момент - не исключено, что рано или поздно цивилизация заканчивает тем, что у нее исчезает внутренний стимул к развитию. Она гаснет просто потому, что ей **не нужно больше существовать.**

Некоторым образом, точно так же, как у гегелевского Абсолютного Духа, когда задавали вопрос: а что же он будет делать, после того как все познает?

РЕПЛИКА. Поэтому и вопрос о нашем существовании не праздный, он вполне реально существует.

А.Ф. ЗОТОВ. Конечно! И видимо, сейчас мы находимся на таком этапе, когда прежде всего делается выбор - **стоит ли** человечеству существовать дальше.

В.М. МЕЖУЕВ.

За последнее время меня интересовали две книги, посвященные обсуждаемой нами теме. Автор одной из них - "За пределами экономического общества" - находится здесь. Это Владислав Иноземцев. Другая книга

- "Колокола истории" - написана Андреем Фурсовым. При разности их подходов к анализу современности (один развивает концепцию постэкономического общества, другой пытается осмыслить сложившуюся ситуацию в понятиях мир-системного подхода) оба они, как мне кажется, сходятся в одном: в развиваемых ими представлениях о тенденциях современного экономического процесса - в сторону постэкономизма или перехода к принципиально иной - некапиталистической - мировой системе - России как бы нет места, вся она "выпадает в осадок". Будущее

России в принимаемой ими системе координат практически не прогнозируемо. Во всяком случае, оно - это будущее - не может быть капиталистическим, ибо капитализм как мировая экономическая система, согласно прогнозам обоих авторов, как раз и уходит в прошлое. По мнению Андрея Фурсова, конец коммунизма и СССР явился не просто антикоммунистической, но прежде всего антикапиталистической революцией, ибо коммунизм в России и был единственно возможным здесь капитализмом, "капитализмом без капитала", капитализмом в его

негативной функции. За
разъяснением этой парадоксальной,
на первый взгляд, точки зрения,
причем разъяснением, как я
понимаю, опирающимся на
методологию мир-системного
подхода и концепцию капитализма,
разработанную И. Валлерстайном, я
советую обратиться к самой книге А.
Фурсова.

Я не буду оспаривать здесь вывода
относительно начавшегося конца
мировой капиталистической
системы. То, что я прочитал на этот
счет у Валлерстайна и его
единомышленника А. Фурсова,

кажется мне весьма интересным. По-
моему, это одно из наиболее
впечатляющих объяснений
происходящего, сделанное на базе
анализа основных тенденций
современного экономического
развития. И, как мне кажется (прошу
учесть, что я - не экономист),
данный вывод, если искать в нем
хоть какое-то позитивное
содержание, вполне коррелирует с
идеей В. Иноземцева о начавшемся
переходе к постэкономическому
обществу, которое не следует
отождествлять ни с
постиндустриальным, ни с
информационным обществом,

вполне укладывающимися в рамки капиталистической (т.е. экономической) формации. Как утверждает Иноземцев, постэкономическое общество - это общество, регулируемое не механизмами рыночного обмена, частной собственности, роста капитала, эксплуатации, индивидуальных материальных интересов и пр., а качественно новой и более высокой формой труда, называемой автором творчеством. Я бы назвал такое общество не экономо-, а антропоцентричным, когда не человек приспособляется к извне заданной системе

отношений, а система начинает вращаться вокруг человека, позволяя ему самореализовываться в полную меру своих способностей и талантов. Подобное общество - не просто социальный идеал, который должен быть установлен в обязательном порядке, и не некоторая предустановленная цель истории, а всего лишь вектор современного исторического движения, общее направление происходящего развития. Но разве в таком истолковании постэкономическое общество не совпадает с тем, что ранее ? на языке марксизма -

называлось социализмом и шире - коммунизмом?

РЕПЛИКА. Интересно, что в начале 70-х годов Валлерстайн также говорил о социалистической альтернативе капитализму.

В.М. МЕЖУЕВ. Сейчас, насколько я знаю, Валлерстайн такого вывода не делает. Вопрос о том, что придет на смену мировой капиталистической системе, он оставляет открытым. Нынешний этап истории для него - переходный: от чего - ясно, к чему - нет. В такие переломные периоды

истории открываются новые возможности для воображения и фантазии, для социального конструирования. Именно здесь рождаются новые подходы и теории, новые утопии, даже новые религии. Смена миропорядка вряд ли может быть адекватно истолкована в духе традиционной, идущей еще из XIX в. идеологии - будь то идеология либерального, социалистического или националистического толка. Являясь порождением старой, то есть капиталистической системы, все они вместе с ней оказываются, в кризисном состоянии, испытывают определенные трудности в

объяснении происходящих в мире перемен.

Иногда общество, приходящее на смену нынешнему, называют постмодернистским, то есть находящимся в определенной оппозиции к современности. При этом современность трактуют и как синоним индустриального общества и как синоним капитализма в целом. Можно встретить и такие определения постмодерна, которые сближают его с постэкономическим обществом. В этом случае обществу модерна, где господствует экономика, материальный труд и

потребление, противопоставляют общество культуры и творческого труда. По словам П. Козловски ? автора книги "Культура постмодерна", "общество постмодерна ? это творческое общество, общество формирующейся культуры".

Мне кажется, более прав В.Л. Иноземцев, отрицающий совпадение понятий "постмодернистский" и "постэкономический". Постмодерн - не столько характеристика определенного общества, сколько культурная реакция на общественное состояние, в котором постепенно

изживается просветительский культ
разумного, рационально
действующего и мыслящего человека,
берущего на себя личную
ответственность за все,
происходящее в обществе. XX век
стал свидетелем кризиса
просветительского сознания, давшего
начало "эпохе модерна" с ее
установкой на автономную и
свободную индивидуальность.
Индустриальное и
постиндустриальное общество -
преимущественно массовое, в
котором власть, легитимируемая
ранее свободным Волеизъявлением
граждан, переходит к обезличенным

структурам и корпорациям. Отдельный индивид перестает мыслить себя самостоятельным субъектом социального действия, дающим начало всем общественно значимым изменениям и инновациям. Утрата индивидом роли субъекта общественного развития, сознательно контролирующего всю сумму внешних обстоятельств своей жизни, как мне кажется, и фиксируется в постмодернистском сознании. Оно есть сознание кризиса "эпохи модерна", ее неизбежного конца, но отнюдь не ее позитивная альтернатива. По своей сути Постмодернизм не прогностичен (то

есть не обращен к будущему), а апокалиптичен. По словам Фредрика Джеймисона, последние несколько лет были отмечены некой обратной апокалиптичностью, в которой предчувствия будущего, катастрофического Или Спасительного, заместились ощущениями конца того или этого (конца идеологии, искусства или социального класса, "кризис" ленинизма, социальной демократии или общества всеобщего благосостояния и т.д. и т.п.); взятые вместе они, возможно, составляют то, что все чаще обозначается постмодернизмом.

Как бы ни характеризовать современность, ясно, что она отмечена чертами кризисности (недаром слово "кризис" сегодня заменило собой слово "прогресс" - центральное В общественно-политическом лексиконе Просвещения) и переходности к чему-то принципиально иному. Переход этот - не просто смена дат, одного века на другой, но и нечто более глубокое. Вполне возможно, что в прошлое уходит не только XX век, Но и целая историческая эпоха, как бы ее ни называть - эпохой модерна, мир-капиталистической системы, экономоцентризма и пр.

Суть этого перехода трудно улавливается средствами обычного научного дискурса - экономического, социологического или политологического, сформировавшегося в рамках достаточно устойчивой и стабильной общественной системы. В период таких резких исторических катаклизмов, действительно, легче быть пророком, чем ученым. Недаром во всех более или менее радикальных проектах будущего явственно ощущается элемент пророчества - не столько знания, сколько предчувствия иных времен и иного мира. Чем-то наше время

напоминает время перехода от Средневековья к Новому времени: тогда тоже рождалось новое видение мира, облеченное первоначально в форму гуманистических "утопий и историософских построений.

Возможны, однако, и более широкие исторические аналогии. Как знать, может быть, мы присутствуем при конце христианской эры. События в Югославии, которыми завершается XX век, как бы возвращают нас в эпоху господства дохристианского (языческого) Рима, наделявшего покоренные им народы правами римского гражданства в обмен на их

государственный суверенитет. В международной политике вновь торжествует право силы, то есть право сильного решать, как жить остальным. Не будем забывать, что в истоке развития всей западной цивилизации всегда лежала так называемая "римская идея", то есть идея единой, универсальной цивилизации, если угодно, мировой империи, противостоящей остальному - варварскому - миру. Победить варварство, с этой точки зрения, можно было только одним путем - стать римской провинцией. И современный Запад ищет пути интеграции мира на базе прежде

всего своих экономических и политических ценностей, а там, где они не срабатывают, склонен, как мы видим на примере Югославии, прибегать к военной силе. Каким бы ни был новый мировой порядок, базирующийся на такой основе, он уже не будет подобием того, который исходил из идеи государственного и национального суверенитета, из равноправия народов в вопросе собственного самоопределения.

Я согласен с теми, кто считает, что политика, ориентированная исключительно на экономические приоритеты и рыночные ценности,

оказывается в конечном счете в противоречии не только с индивидуальной свободой и демократией, но и с моралью, оказывается "по ту сторону добра и зла". Капитализм и демократия - отнюдь не эквивалентные понятия. Следствием капитализма - тем более в мировом масштабе - является не свобода и равенство народов и людей, а власть наиболее развитых стран мира над слаборазвитой периферией. Капитализм был и остается синонимом неравенства и неравноправия, а значит, и ущемления свободы. Экономика, пусть самая рыночная и либеральная,

не решает проблемы свободы и равенства, права народа и людей жить по собственному усмотрению. Это довод не против экономики, а в защиту политики, ориентированной не только на экономические, но и на иные приоритеты -экологические, культурные, моральные и пр. Идея постэкономической формации находится для меня в ряду тех же соображений. Не знаю, можно ли обосновать ее с помощью эмпирически очевидных аргументов, но она, несомненно, вносит в рассуждение о будущем новое - культурно-нравственное - измерение,

позволяющее представлять это будущее в позитивном свете.

Мысль о том, что политика должна быть ориентирована не только экономически, но и нравственно (в духе христианской морали), возможно, и составляет суть того, что принято называть "русской идеей". Разумеется, это только мысль, а не реальность. Но в ней, как мне кажется, и заключен основной урок русской истории, имеющий значение не только для России. Как бы ни сложилась ее дальнейшая судьба, поиск ею иных - лежащих за пределами чисто экономической

рациональности - форм совместной жизни людей, несомненно, будет затребован последующими поколениями. Страна может исчезнуть, но вдохновлявшая ее идея останется. Греко-римская античность сгорела в котле истории, но одновременно дала начало новой - западной цивилизации. И кто знает, откуда в наше время придет ответ на те жизненно важные вопросы, которые эта цивилизация поставила перед человечеством?

В чисто экономическом плане зависимость России от Запада, от мировой капиталистической

системы в ближайшей перспективе, несомненно, будет только усиливаться. Никакой разумной экономической альтернативы Западу Россия предложить не может и вряд ли такая альтернатива вообще существует. Стремление противостоять Западу экономически, жить по каким-то иным экономическим законам и привела ее к поражению. Но отсюда вовсе не следует, что и все остальные сферы общественной жизни должны быть принесены в жертву экономической необходимости. Нельзя игнорировать законы рынка, но столь же опасно и абсолютизировать их, подчиняя им

иные - культурные и нравственно-
духовные - аспекты существования
людей в обществе.

И самое главное: живя в условиях
рыночной экономики, вовсе не
обязательно судить обо всем и все
оценивать в понятиях рынка -
частной выгоды и денежного расчета.
Хотя бы только в сознании -
художественном, научном,
философском -должна сохраняться
определенная критическая
дистанция по отношению к
рыночной системе отношений.
Апология рынка, частной
собственности, конкурентной

борьбы, капитализма, уместная по отношению к экономической реальности, губительна применительно к внеэкономическим - политическим и духовным - сферам жизни. Даже на Западе развитие капитализма сопровождалось определенной критикой в его адрес со стороны не только леворадикальных учений, но и всех основных направлений общественно-политической и художественной мысли. Во всяком случае, европейская культура всегда находилась в прямой или косвенной оппозиции к экономической действительности

капиталистического (буржуазного) общества. Там же, где она сдавала свои позиции, проникалась духом коммерческого расчета и выгоды, целиком подчиняла себя рыночным отношениям, кончалась и ее духовная свобода: она превращалась в одну из разновидностей более или менее успешно осуществляемой предпринимательской деятельности.

Мне думается, и общественная наука должна сохранять определенную критическую дистанцию к нормам и институтам рыночной экономики. Такая дистанция необходима для более глубокого понимания

перспектив и направленности исторического движения.

Отождествляя себя с настоящим, представленным, несомненно, мировым капитализмом в лице его экономических лидеров и прежде всего США (возможно, XX век войдет в историю как век США), мы закрываем себе путь к пониманию и прошлого, и будущего. Критичность по отношению к настоящему - хотя бы только на уровне от технологических изменений уровне теоретической рефлексии - и есть в какой-то мере залог жизни в будущем.

По моему мнению, Россия, пытаясь стать капиталистической страной (такая задача никем открыто не провозглашается, но отчетливо подразумевается), войти составной частью в мировую экономику, то есть разделить участь большинства стран мира, не должна на уровне культуры и общественной мысли отказываться от критического настроения по отношению к базовым ценностям капиталистической системы, от исторически присущего ей поиска более человеческих и нравственно оправданных форм жизни. Экономическую цель, поставленную перед страной с

заметным опозданием, не обязательно превращать в культурный идеал и окончательную парадигму общественной истории...

ВОПРОС. А насколько вообще можно говорить о России как о цивилизации?

В.М. МЕЖУЕВ. Америка вместе с Европой - сформировавшиеся цивилизации, а Россия нет. И поэтому для России сейчас стоит проблема цивилизационного выбора. Очевидно, что цивилизационный путь заставит нас идти в фарватере

западного пути. Проблема в том - можем ли мы цивилизоваться, т.е. создать современную экономику, современное государство и прочее, сохранив верность культурной традиции. Я считаю, что мы все-таки западная страна. Но только мы особая часть Запада. Вопрос О принадлежности к Западу определяется ответом на один вопрос: почему погиб первый Рим? Вот страны и народы, которые ставили перед собой этот вопрос - это и есть Запад. Китайцам это безразлично. И было два ответа. Первый - Рим погиб потому, что изменил своим республиканским

идеалам. Главный вопрос американской Конституции: как сделать республику вечной? Был еще один ответ. Его предложила Византия: Рим погубило язычество - поклонение золотому тельцу, культ материальной плоти. Вокруг чего можно объединить человечество? - Либо вокруг правовой общины, гражданства (это путь западный). Гражданское общество как общество для всех, права человека для всех - вот это и есть основа объединения. На что русские, унаследовавшие душу Византии, дали другой ответ. Они сказали, что гражданское •общество, т.е. чистое право без

морали, без духовности приведет к массовости, к мещанству, и от индивида вообще ничего не останется. Поэтому правовое гражданское общество надо дополнить обществом духовным. Они открыли духовную общину. Вот это есть культурный поиск России. Это и есть идея внеэкономической цивилизации. Это не есть отрицание римской идеи, западной идеи - это ее дополнение.

ВОПРОС. Т.е. Россия ищет синтеза "латинского" и "византийского" начал?

В.М. МЕЖУЕВ. Синтеза не традиционного. В России не проходит эта модернизация, реформа по одной причине - она идет не под теми лозунгами. Нельзя проводить рыночные реформы под лозунгом "Да здравствует рынок!". Я допускаю, что XXI век, вполне возможно, будет веком России, а не США. Но веком не России экономической, веком того поиска, который велся не только в России.

ВОПРОС. Вы считаете, что и на смену христианству тоже идет нечто иное?

В.М. МЕЖУЕВ. Я не уверен в том, что то новое, которое должно родиться и победить, будет вариантом христианства. У меня ощущение, что это какой-то новый тип религии. Надо просто сказать, что должно быть какое-то новое сознание, не предрешая вопроса, будет ли оно религиозным, научным, утопическим. Сегодня все традиционные идеологии обнаруживают, что они самоисчерпались - либеральные, социал-демократические, традиционно-социалистические... А каким должно быть сознание, соответствующее мировым

катаклизмам, которые сегодня происходят, я не знаю. Но я думаю, что поиск идет. Я не считаю, что это постмодернистская идеология, а вот что именно - это вопросы, которые следует обсуждать. Не от информатики и не от технологических изменений зависит будущее. А от того, во что человек верит.

ВОПРОС. Не кажется ли Вам, что античный Рим был более легкой добычей для идеи, чем современный Рим - такой как Америка, европейские страны. Запад в целом? Новым христианством или чем-то

подобным современный мир вряд ли
проймешь - у него гораздо больше
возможностей разрушить любую
альтернативную себе идею - и
именно в силу культа
альтернативности, толерантности,
плюрализма. Отрицание
капитализма само может делаться
товаром, функционирующим вполне
по законам капиталистического
рынка...

В.М. МЕЖУЕВ. Тогда давайте не
завидовать их будущему.

РЕПЛИКА. У них не больше возможностей разрушить, скорее у них меньше желания принять.

В.М. МЕЖУЕВ. Мне кажется, задача России заключается в том, чтобы найти противоядие против погружения мира в безальтернативный экономизм, под какими бы лозунгами "альтернативности" он ни проводился. Иначе история человечества движется к муравейнику. Самоорганизованному муравейнику. Здесь все

манипулируемо, взаимозаменяемо,
взаимосочетаемо.

И тогда действительно нужно
сказать, что это конец истории.
Задача, - я не знаю, российская или
какого-то поколения интеллектуалов,
которое где-то когда-то родится, -
заключается в том, как продолжить
историю, потому что понятие
бессмертия человеческого рода для
меня задано историей, потому что
бессмертие существует только во
времени. Оно не существует в
пространстве. И поэтому это для
меня задача, которая решает
проблему будущего.

А.Г. ГЛИНЧИКОВА.

Сегодня наметилась тенденция переоценивать гармоничное сочетание индустриального и постиндустриального типов развития. В то время как переход от индустриального к постиндустриальному обществу даже на Западе не был бесконфликтным и гармоничным. Эта гармония имела определенные пределы, и современное общество вышло на эти пределы. На самом деле существуют очень глубокие противоречия между индустриальным и

постиндустриальным типами развития, которые выливаются в политические и социальные противостояния. Кроме того, следует иметь в виду, что постиндустриальная перспектива является не столь уж неотвратимой, как это принято было считать.

Есть основания полагать, что события последнего десятилетия в России явились ничем иным как *срывом постиндустриальной трансформации*. И это может иметь самые серьезные негативные последствия и влияние на общий процесс постиндустриального

развития мира в целом. Уже сейчас мы можем говорить о возвращении к индустриальным тенденциям и политическом реванше тех социальных слоев и идей, доминирование которых было связано с индустриальным типом развития. События в Чечне и Югославии являются синдромом политического реванша индустриальной бюрократии и военщины в условиях ослабления политических позиций постиндустриального среднего класса и новых средних слоев. При этом, надо иметь в виду, что если процесс поступательного развития

был достаточно медленным и постепенным, то деградация может носить уже обвальный характер и развиваться стремительно с непредвиденными последствиями. В этом смысле постиндустриальный тип общества самый неустойчивый, поскольку чем сложнее система, тем труднее остановить процесс ее деградации, если он уже начался. Поэтому важнейшая задача сегодня - поиск принципов и механизмов взаимодействия и эффективного экономического, политического, социального и культурного сосуществования индустриальной и постиндустриальной сфер общества,

при котором индустриальное не пожирало бы постиндустриальное, как Кронос своих детей. Хочется еще раз подчеркнуть, что от того, что срыв постиндустриальной трансформации начался именно на постсоветском сегменте глобального мирового пространства, он вовсе не является ни специфически российской проблемой, ни специфически российской угрозой, так как постиндустриальное общество есть прежде всего общество глобальное (в отличие от индустриального, но об этом позже). Поэтому анализ этого срыва в России и поиск путей выхода из кризиса

обходимы не только из политических соображений, но должны стать существенным моментом развития современной постиндустриальной теории. *Механизм постиндустриального срыва в СССР.*

По всей вероятности, на протяжении 70 лет имело место противостояние двух форм, двух разновидностей индустриального общества. Это тип рыночного индустриального развития и распределительный тип индустриального развития, который имел место в СССР и частично в странах Восточной Европы. До определенного момента и рыночный,

и распределительный тип достаточно адекватно обеспечивали индустриальное развитие обществ и конкуренцию на этой базе. Однако уже в 60-е годы сначала на Западе, а затем и в России, начались процессы, которые свидетельствовали об исчерпанности индустриального типа развития и начале перехода к постиндустриальному обществу, где определяющим должно было стать развитие науки, наукоемких отраслей и технологий, переход к новым формам социальной интеграции, контроля и управления и новым принципам распределения информации. Этот переход был

невозможен без определенной политической трансформации, потому что изменилась роль науки, образования, появились новые средние слои и соответственно должны были измениться и формы участия общества в принятии политических решений, и формы контроля со стороны общества над их выполнением. Должны были измениться принципы управления обществом, принципы распределения информации в обществе и, конечно, должна была измениться образовательная, культурная структура общества и условия ее формирования. На этом

этапе традиционный капитализм на Западе оказывался недостаточным и 60-70-е годы - период активного постиндустриального протеста, который выразился в движении новых средних слоев за альтернативные модели общественного развития и политического участия. Направленность этого протеста на Западе носила выраженный антибюрократический характер. Движение это имело несколько фаз: первая фаза была связана с нарастанием значения социальной сферы, вторая фаза - ограничение социальной сферы теми областями,

где она действительно эффективна и возвращение к рынку там, где наиболее эффективным оказывался именно рыночный тип распределения и обмена.

Денационализация и приватизация 80-х годов на Западе явились вторым этапом постиндустриальных форм, в основе которого лежал поиск меры социализации, и параллельно шел процесс поиска новых форм контроля общества над бюрократией, способных повысить управляемость общественными производственными процессами, будь то в виде "соучастия", движения гражданских инициатив или каких-либо иных

моделей, альтернативных традиционным централизованным бюрократическим моделям.

Те же самые проблемы - проблемы контроля над бюрократией, проблемы повышения управляемости обществом, проблемы повышения качества жизни, эффективности сфер науки и образования, внедрения научных достижений в производство, повышения уровня социальной мобильности и равномерности общества - явились исходными причинами антибюрократического протеста интеллигенции и новых средних слоев в СССР, - протеста,

который, постепенно вызревая еще с конца 50-х годов, приобрел политическую окраску и в начале 80-х вылился в эпоху Перестройки. Реформы в СССР изначально вырастали на почве постиндустриальной трансформации, поскольку Советский Союз также подошел к тому этапу, когда индустриальный тип развития себя исчерпал. Однако переход от распределительного типа индустриального общества к постиндустриальному оказался значительно более сложным и опасным, так как имел ряд

особенностей, на которых стоило бы остановиться.

Как это ни парадоксально, но именно то, что обусловило в свое время успех и реванш распределительного индустриализма (социализма) по сравнению с рыночным индустриализмом (капитализмом) и стало важнейшим препятствием на пути его постиндустриальной трансформации. Это не что иное, как *искусственно заниженная цена квалифицированной рабочей силы, занятой преимущественно в сфере услуг, цена, не соответствующая ее*

реальной стоимости. Плановое хозяйство и централизованная экономика создали уникальную возможность путем "взаимокомпенсации" "бесплатных" услуг вывести большую часть стоимости квалифицированной рабочей силы из сферы денежного обращения, приравняв ее тем самым к стоимости неквалифицированного труда, т.е. к стоимости продуктов, необходимых для чисто физического выживания индивида. В условиях индустриального, да еще и авральновоеенного развития подобная экономия дала определенный эффект, позволив в кратчайшие

сроки создать мозговые центры (ценой больших потерь), привилегированные очаги для выработки технологий по интенсификации физического труда, которые затем внедрялись в производство и ставились на поток. Общественная неравномерность и доминирование малоквалифицированного труда позволяло использовать подобный "очаговый" опыт развития науки, технологий и воспроизводства интеллектуального потенциала общества. Ситуация кардинально изменилась при переходе к постиндустриальному типу развития.

Основная черта постиндустриальных технологий ? создание и массовое производство и усовершенствование машин, выполняющих ряд функций интеллекта, составлявших содержание труда средней и более высокой квалификации. Интересно, что сама разработка этих машин не была проблемой для советской науки (по части громоздких компьютеров для военно-промышленного комплекса мы не уступали рыночным странам). Но *разработка* этих машин еще не означает переход к постиндустриальному обществу. Эпоха постиндустриализма начинается тогда, когда начинается

массовое производство и индивидуализация компьютеров, машин, *выполняющих ряд функций человеческого интеллекта* более эффективно и значительно более быстро, чем живая рабочая сила.

Технологии индустриального общества в основном были направлены на интенсификацию и замещение физического труда. Цена рабочей силы физического труда есть величина достаточно устойчивая в любом обществе и потому не может быть искажена в такой степени как цена квалифицированного интеллектуального труда (что и было

главной характерной чертой и главным козырем социалистического типа индустриализма). Важнейшим условием и экономической причиной индивидуализации и массового производства компьютеров и, следовательно, важнейшим условием постиндустриального перехода в странах рыночного индустриализма *стала достаточно высокая цена рабочей силы квалифицированного интеллектуального труда, примерно соответствовавшая его реальной стоимости.* На Западе усовершенствованные машины, взявшие на себя часть интеллектуальных операций

оказались не только эффективнее, но и дешевле живых людей, способных выполнять аналогичную работу, а в СССР наоборот, - дороже. Так заниженная цена рабочей силы новых средних слоев в СССР сделала экономически невыгодным массовое производство индивидуальных компьютеров и интенсификацию квалифицированного интеллектуального труда. Мы не смогли сделать технологического шага в постиндустриальное общество не потому, что у нас не хватило ума для создания, распространения и внедрения новых технологий, а потому что в силу экономических и

политических особенностей
распределительного индустриализма
наши люди оказались дешевле умных
машин. И здесь важно иметь в виду,
что искусственная дешевизна новых
средних слоев (квалифицированной
рабочей силы среднего и высшего
звена и сферы услуг) имела не
просто идеологические и
политические причины, легко
преодолимые указами, добрыми
намерениями и мудрыми
правителями. Заниженная,
неадекватная реальной стоимости
цена квалифицированного труда
была неразрывно связана с логикой
планового социалистического

индустриализма, со всеми имманентно присущими ему механизмами перераспределения доходов и воспроизводства интеллектуального потенциала общества. И до тех пор пока сохраняются его механизмы и сегменты в виде теневой экономики, "бесплатных" услуг и "бесплатного" труда по производству квалифицированных услуг, путь к постиндустриальной трансформации будет оставаться для нас закрытым. Простое повышение заработной платы не внесет кардинальных изменений. Ключ к решению, преодолению этой проблемы лежит,

с одной стороны, на пути развития рыночных отношений и реальной замены распределительных механизмов рыночными, а с другой - в подключении сферы высококвалифицированных услуг к процессу рыночной трансформации (с учетом специфики этой сферы). Необходимо преодолеть компенсационные, "бартерные" механизмы производства высококвалифицированных услуг, унаследованные от эпохи социалистического индустриализма, *приведя цену рабочей силы в этой области в соответствие с ее реальной стоимостью. Выяснилось,*

что постиндустриальная трансформация распределительного индустриализма (социализма) будет невозможной, если не затронуть самую экономическую основу всевластия бюрократии, каковой являлась государственная собственность на средства производства, ту самую основу, которая в западных обществах не была так сильна, как в России, хотя и там имела место приватизация. Отсюда начинается следующий этап реформ, связанный с либерализацией экономики путем введения частной собственности и развития рыночных отношений. Так,

на повестку дня с необходимостью
вышла либеральная проблематика и
лозунг "приватизации" .

Поначалу внедрение частной
собственности рассматривалось
общественными силами
антибюрократического протеста как
средство для дальнейшего
осуществления постиндустриальных
преобразований. По-другому
восприняла идею частной
собственности традиционная
индустриальная бюрократия - класс
распределителей. Особенность
российской ситуации заключалась в
том, что либеральная фразеология

стала девизом прямо
противоположных политических и
социальных сил. В условиях
тотальной государственной
собственности на средства
производства чиновники-управленцы
в СССР представляли собой особый
класс, основным и даже
единственным источником
существования и обогащения
которого было удобное расположение
между производителем и
потребителем. Т.е. именно там, где
должен был быть рынок, находился
чиновник, осуществлявший
централизованное распределение и
контроль за произведенным

общественным продуктом. Поскольку главной функцией и одновременно главным источником весьма сносного существования этого класса являлось именно административное распределение произведенного продукта, мы и назвали его классом распределителей. Поэтому рынок и индустриальный чиновник являются социальными и политическими противоположностями. Иллюзия того, что, наделив последнего частной собственностью с помощью приватизации, можно сделать его сторонником рыночных реформ дорого стоила и России и СССР.

Наделение последнего частной собственностью и громким именем "крупного бизнесмена" не только не сделало нашего распределителя капиталистом-рыночником, но, как это ни парадоксально, еще больше убедило его в необходимости максимально длительного сохранения своего доминирующего положения между производителем и потребителем, позволяющего бесконтрольно по-социалистически непроизводительно присваивать все сокращающееся общественное богатство. Поэтому главной задачей распределителей стало использовать частную собственность не как

инструмент постиндустриальной
формации общества, а, наоборот, как
инструмент торможения и поворота
общественного развития вспять от
того опасного для
распределительной бюрократии
рубежа постиндустриализма, на
который выходило советское
общество к середине 80-х годов. В
этом случае частная собственность
использовалась для конвертации
политической власти в
собственность. Если опыт Запада
свидетельствовал о том, что частная
собственность вовсе не порождает
без социально-экономических
преобразований постиндустриальное

общество, то опыт России и СССР показал, что *частная собственность* *вовсе не порождает с* *необходимостью даже капитализм и рынок в той стране, где она введена.*

На сегодняшнем этапе уровень *мирового развития позволяет* *развести поле накопления частной собственности и поле ее капитализации.* Это дает возможность приобретать и формировать собственность, используя традиционные распределительные механизмы (по сути, речь идет о присвоении государственных средств) и при этом использовать ее за пределами

России, т.е. за пределами поля накопления. В этом смысле перекачка средств из России в зарубежные банки не есть просто результат плохой работы правоохранительных органов, несовершенства законодательства, слабости государства, недальновидной и немудрой экономической политики. Политика эта как раз очень мудрая. *Она полностью отвечает экономическим и политическим интересам индустриальной бюрократической верхушки и состоит в филигранном балансировании между накоплением частной собственности и*

торможением рыночных реформ и развития внутреннего рынка.

Национальный чиновный слой распределителей, а ныне расхитителей общественных богатств, унаследованный от социализма, напрямую заинтересован в остановке рыночных реформ, поскольку рынок, как экономический механизм *прямого взаимодействия* между производителем и потребителем лишает чиновника-распределителя единственного источника его обогащения - административного, внеэкономического распределения благ. *Чиновная частная*

собственность никогда не породит рынок потому что именно он-то и представляет главную угрозу и смертельную опасность ее возникновению и росту. Поэтому, независимо от политической упаковки основным, подлинным девизом деятельности распределителей всегда будет: "С одной стороны, максимально долгое, любой ценой сохранение социалистических форм распределения и присвоения средств внутри страны и одновременно создание максимальных возможностей для беспрепятственного вывоза и

капитализации эти средств вне поля накопления, т.е. вне России".

Использовать либеральный принцип частной собственности для избавления от форм контроля характерных для социалистического общества (партийный контроль, государственный контроль, контроль правоохранительных органов и спецслужб) и при этом не допустить рынок, сохранить распределительную экономику как источник присвоения общественных богатств - вот их главная цель.

Вторым следствием подобного использования реформ и тезиса

частной собственности явилось
разрушение социальной базы
постиндустриального протеста,
направленного на создание нового
строя. Как это произошло? Во-
первых, была дискредитирована сама
идея демократических рыночных
преобразований, пользовавшаяся
широкой поддержкой людей в
предреформенный период. Но это
было не все, и это было не главным.
Главным стало планомерное
разрушение новых средних слоев,
сферы культуры, образования,
производства новых технологий при
помощи... рынка! Первое, что прежде
всего бросается в глаза, когда

окидываешь беглым взглядом "эпоху реформ" - это странное несоответствие, можно даже сказать прямая противоположность поведения государства по отношению к различным секторам хозяйства в странах с успешной постиндустриальной трансформацией и в России. В странах с успешной постиндустриальной трансформацией общественный сектор в лице государства включает в себя, как правило, сферы культуры, науки, образования, социальной помощи, здравоохранения, причем при очень тонкой увязке с чисто

рыночными секторами и с использованием элементов рыночных и полурыночных механизмов. У нас же - *прямо наоборот*. При первых же залпах капитализма наши государственные чиновники-распределители, бросив на произвол судьбы науку, образование, здравоохранение, культуру и инвалидов, плотным кольцом обступили такие "стоящи вещи" как нефть, газ и другие полезные ископаемые. Собственно из-за них они ведут войны, используя то Чечню, то Приднестровье, то Дагестан; из-за них они взрывают дома с детьми, чтобы

дестабилизировать обстановку в стране, ввести чрезвычайна положение, с тем чтобы отменить выборы, когда нет надежды удержаться у власти и победить даже относительно демократически. Этот парадокс "реформ наоборот" становится абсолютно понятным, когда мы вспомним о главном интересе чиновников-распределителей не допустить рынок (чтобы было легко воровать) и использовать частную собственность и либеральную фразеологию (для легализации и отмыwania наворованного). Наилучшим образом для этого подходит приватизация

объектов даже не обрабатывающей (еще обрабатывать!), а просто-напросто добывающей промышленности. Во-первых, сразу можно продать за границу, во-вторых, использование этой сферы с целью личного обогащения до поры до времени не требует ни развития наукоемких технологий и связанного с ними среднего класса, ни рыночных отношений.

Что же касается среднего класса, то его не надо было разрушать специально, достаточно было просто бросить его в рынок, сохранив социалистические механизмы отбора

денег и сказать: "Развивайтесь от прибыли", и при этом не дать развиваться. Традиционные социалистические формы контроля и взаимодействия были ликвидированы, а рыночные - не допускались. Здесь следует обратить внимание на распространенную ошибку относительно природы современного среднего класса вообще, и в России в особенности. Не надо путать средний класс XIX в., проходивший под названием "средней и мелкой буржуазии" и новые средние слои, сформировавшиеся в период развитого индустриального

общества, связанные с эпохой НТР и массовой интеллектуализацией производства. Средний класс эпохи НТР - это работники современной сферы услуг, образования, здравоохранения, это инженерный корпус, сотрудники лабораторий и исследовательских институтов, ученые, преподаватели, деятели искусства, журналисты. Этот постиндустриальный средний класс был создан в СССР, где он воспроизводился по распределительно-коммунистическим принципам, и именно он-то и послужил главной социальной базой

антибюрократического
постиндустриального протеста эпохи
перестройки. К сожалению,
стратегия трансформации этого
важнейшего социального слоя в
центральный сегмент современного
рыночного общества резко
противоречила интересам
индустриальной распределительной
бюрократии. В России так и не
сложился ни рынок высоких
технологий, ни рынок
высококвалифицированных кадров,
не было найдено той ниши, которую
могла бы занять Россия в мировом
разделении труда в соответствии со
своим техническим, культурным,

интеллектуальным и
производственным потенциалом.
Началась деградация. Разрушение
новых средних слоев, связанных с
наукой, образованием, наукоемким
производством явилось разрушением
социальной базы
постиндустриального протеста,
представлявшей для распределителей
не меньшую угрозу, чем сам рынок.

Таким образом, когда советское
общество вышло на рубеж
постиндустриального перехода,
историей были предложены два пути
трансформации: либо двинуться
вперед к постиндустриальному

обществу; либо - назад к индустриальному, с тем чтобы продлить господство распределителей. Это зависело не от того, будет ли введена частная собственность, а от того "как именно" она будет введена и "кем", как политически, экономически, социально будет осуществлен процесс перехода от государственной собственности к частной.

Распределители под видом прогресса и рыночных реформ фактически осуществили архаизацию общества и начали движение в противоположную сторону от того постиндустриального рубежа, на

котором находилась страна перед началом реформ. Те реформы, которые начинались в СССР в 1-е годы, по сути своей имели постиндустриальную направленность. Они были связаны с необходимостью демократизации общества, повышения его управляемости в условиях перехода к новым технологиям, необходимостью изменения его информационной и социальной структуры, усиления равномерности социокультурного пространства, повышения уровня социальной мобильности, эффективной интеграции в мировое социально-экономическое

пространство. Но в процессе реформ стало ясно, что достижение этих целей невозможно на базе распределительного типа индустриализма (социализма), который был в СССР. Так возникла проблема преобразования социалистической индустриальной сферы в рыночную. Эта эволюция в сторону рыночного индустриализма была необходима и вполне оправдана как *этап на пути постиндустриальной трансформации*. Но, к сожалению, верх одержали силы, для которых *полурыночный индустриализм стал целью*. Это дало толчок опасному

возвратному движению общества, при котором индустриальное начало стало разрушать элементы постиндустриализма, сложившиеся в эпоху советского общества.

Фактически речь идет о том, что остановка на рубеже индустриализма продлевает на неопределенный срок политическое и экономическое господство распределительной бюрократии в России. Бюрократия не откажется от индустриализма сама, поскольку новые технологии и связанные с ними формы социальной интеграции контроля и управления кладут конец господству

распределительной бюрократии, основанному на ее привилегиях в сфере информации и управления. Вопрос задержки общества на рубеже индустриализма является для нее вопросом социального выживания. И здесь ее интересы смыкаются с интересами определенных международных кругов, опасющихся конкуренции со стороны России и опрометчиво полагающих, что главная задача сохранения мира может быть решена на пути недопущения России в постиндустриальное общество и консервации ее на уровне полукриминального индустриализма.

Подобная постановка вопроса является чрезвычайно опасным заблуждением. Мир давно стал глобальным, а особенность постиндустриального общества заключается в том, что оно не может быть неравномерным.

Неравномерность социально-экономического мирового пространства представляет серьезную угрозу для его постиндустриального развития. Можно даже говорить о том, что степень социальной, культурной, экономической и политической равномерности становится важнейшим показателем и условием

постиндустриального развития.
Ослабление постиндустриальных сил
в России и усиление индустриальной
бюрократии повлечет за собой
реванш индустриальных сил на
Западе, связанных с военной сферой,
сворачивание реальных
демократических свобод, усиление
всевластия бюрократии и спецслужб,
рост международной напряженности
и возвращение атмосферы недоверия.
Все это неизбежно повлечет
перекачку общественных средств из
сферы публичной в сферу военную,
нарастание бесконтрольности
бюрократических структур создаст
благоприятную почву для новых

военных авантюр. А новейшие возможности в сфере массовой промывки мозгов сделают процесс "утраты политического суверенитета" практически безболезненным для гражданского общества развитых стран. Поэтому поступательное развитие постиндустриального общества в одних странах невозможно без поддержки этих тенденций в других странах. Парадоксально, но *глобализация* мирового экономического пространства в условиях *неравномерности* общественного развития создает объективные препятствия для

постиндустриальной трансформации в постсоциалистических странах. При этом нельзя не заметить, что более развитые страны до поры до времени могут и "не вникать" во все тонкости того, что же в самом деле происходит в России и даже предпочитать сегодняшние дивиденды от стагнации в России завтрашним плюсам от реального подключения России к общему ходу глобальной постиндустриальной трансформации. Однако есть основания говорить о том, что воронка нестабильности, возникшая в результате срыва постиндустриальных реформ в

постсоциалистических странах,
утянет с собой всех, включая и
"самых хитрых". Срыв
постиндустриальной трансформации
в этих странах слишком опасен для
всех, чтобы строить на нем чье-либо
благополучие и праздновать его, как
чью-то победу.